

ΑΒΑΡΙΣ

2001

"Αβαρις

АБАРИС

ЖУРНАЛ ДРУЗЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ
выходит один раз в год

Редакционная коллегия: О. В. Бударagina, В. В. Зельченко,
В. С. Синельников
Фоторедактор: П. А. Герм
Компьютерная поддержка: К. Б. Катенин, А. В. Карлин
Эмблема журнала: Лиза Дмитриева

№ 2 (МАЙ 2001)

Адрес редакции: 197198, Санкт-Петербург, ул. Красного Курсанта, д. 6/9

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	1
С. В. Бурячко. Классическая гимназия и грядущая реформа	2
Hermeneumata	4
Стаций. Сон (Silv. V, 4). Перевод С. Минаева	6
А. К. Гаврилов. Пфорта (Schola Portensis)	7
В. Жижина. День хвостов	13
“Библия — это библиотека”. Интервью с И. Г. Левиным	17
Е. Lyssenko, F. Jesipovich. Der Deutschclub — noch immer lebendig	19
В. Буций. Некоторые сведения о государстве кик	20
О. В. Бударagina, В. В. Зельченко. Древние языки в современной школе	22
Архилох. Стихи о солнечном затмении (fr. 74 Diehl ³).	
Переводы С. Мисенко и А. Лебедевой — Е. Лысенко	24
Латинские надписи в Петербурге	25
А. Андреева, Е. Волкова, Е. Дмитриева. Первая Санкт-Петербургская гимназия	27
Мишель Монтень и обучение древним языкам	34
В. Завьялова. Человек из города Бордо	36
А. Рембо. Греза школьника. Перевод Д. Кейера, вступительная заметка В. В. Зельченко	38
Уинстон Черчилль и первое склонение. Перевод В. Никитиной	44
Н. В. Чернуха. Asylumers	45
“Книга о Ксанфе-философе и Эзопе, его рабе”	47
EUROCLASSICA	
А. van Hoof. Saint Petersburg, the Gate to Euroclassica	50
С. Клейнер. Евроклассическая Греция	51
А. Нестеренко. Постигая Грецию	53
ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ	
С. Минаев. Как это делалось в Одессе	54
Л. Сендерихина, Н. Титова. Мирмекий — 2000	55
Д. Кейер. Sagmen Vosroganum	57
Список выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (2000 г.)	58
Попечительский совет Санкт-Петербургской классической гимназии	60

На первой странице обложки: фото В. М. Яроша

На четвертой странице обложки: рисунок Иры Можяевой

От редакции

Выход в свет первого выпуска “Абариса” совпал во времени с международной конференцией “Десять лет возрожденного классического образования в России”, прошедшей в Санкт-Петербургской классической гимназии. Вопросы, обсуждавшиеся на конференции, продолжали занимать нас и после того, как докладчики и гости разъехались по домам. Это неудивительно: ведь всякому, кто по роду своих занятий анализирует запутанные пассажи древних писателей, в идеале должно быть свойственно то и дело подвергать сомнению правильность собственных действий и умозаключений; напротив, привыкший руководствоваться беспечным лозунгом геродотовского Гиппоклида (см. VI, 129) рискует повторить судьбу этого последнего. К тому же работа или учеба в классической гимназии постоянно дает поводы поразмышлять о месте древних языков в школьном преподавании.

В силу этих причин главной темой номера стало прошлое и настоящее классического образования. Свою лепту в ее обсуждение внесли участники упомянутой конференции, а также ученики, выпускники и преподаватели нашей гимназии.

Читатель легко заметит, что мы сосредоточили свое внимание не столько на том, зачем учить детей древним языкам и античной культуре, сколько на том, как это делалось в разные эпохи и в разных странах. Этот произвольно определившийся угол зрения не означает, что мы считаем первый вопрос раз и навсегда решенным; просто, на наш взгляд, анализ успешной, равно как и неудачной практики способен лучше свидетельствовать за или против школьного изучения латыни и греческого, нежели отвлеченно-теоретические рассуждения. Не претендуя на сколько-нибудь полный обзор многовековой традиции, мы надеемся, что отрывки из позднеантичного греческо-латинского разговорника, диаметрально противоположные детские воспоминания Мишеля Монтеня и Уинстона Черчилля о первых уроках латыни, рассказы о знаменитых классических гимназиях Германии и России, опыт афинских летних школ международной ассоциации “Euroclassica”, латинские стихи четырнадцатилетнего Артюра Рембо и ряд других материалов номера сложатся в некую пусть многогранную и даже противоречивую, но все же целостную картину. Ради этого мы готовы принять упреки в некоторой академичности, которые, возможно, будут высказаны юными читателями. Специально для них сообщаем, что следующий выпуск “Абариса” будет посвящен античным рассказам о разного рода фантастических существах; и уж здесь-то с трудом подавляемое редакцией легкомыслие проявится в полной мере.

За прошедший год в гимназии произошло множество важных и интересных событий. На летних каникулах экспедиции школьников отправились на раскопки в Керчь и Одессу; “Театр всех времен и народов” одержал впечатляющую победу на Брянцевском фестивале школьных театральных коллективов Петербурга и выпустил еще одну премьеру; профессор И. Г. Левин прочел курс лекций о Библии; продолжали свою работу английский и немецкий клубы, литературная и художественная студии; состоялся очередной конкурс стихотворных переводов; наконец, еще тридцать гимназистов окончили школу и поступили в различные вузы. Обо всем этом читатели также смогут узнать на страницах журнала.

И наконец, главная новость. В этом году началось создание общества друзей Санкт-Петербургской классической гимназии. Станет ли оно тем деятельным коллективом единомышленников, о котором говорилось в предисловии к “Абарису” № 1, — покажет время. Во всеоружии легкомыслия редакция надеется, что время работает на нас.

С. В. Бурячко

директор Санкт-Петербургской классической гимназии

Классическая гимназия и грядущая реформа

В 1861 году Александр II отменил в России крепостное право, а в 70-е годы под руководством министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого началась широкомасштабная реформа среднего образования. Понадобилось десятилетие более или менее удачных преобразований государственного устройства, чтобы у правительства дошли руки до школы. Понимая, насколько скользок и обманчив путь исторических аналогий, тем не менее осмелюсь предположить, что сегодняшняя ситуация в образовании чем-то напоминает ситуацию начала семидесятых годов XIX века.

Десять лет назад, на излете перестройки, неуверенные в собственном будущем чиновники от образования полностью отпустили нити контроля. В результате мы имеем картину пеструю, отчасти комичную, а в чем-то и опасную — повсеместное переименование средних школ в гимназии, ПТУ — в лицей и колледжи (?!), свободная перекройка учебных планов и так далее. Этот этап был, безусловно, определен инициативой учителей и расторопных директоров — никаких планов по гимназиям не было. В итоге за эти десять лет была практически ликвидирована «единая трудовая политехническая» школа. На фоне деидеологизации процесса образования, что следует оценивать как явление положительное, произошло и снижение качества преподавания по ряду направлений. Чего стоили, например, учебные планы некоторых «гуманитарных» гимназий, в старших ступенях которых оказалась упразднена математика! Отсутствие внятной государственной политики в области образования выдвинуло на первый план «социальный заказ» и педагогические амбиции. Так появились гимназии математические, экономические, гуманитарные, экологические или даже такие, в которых с первого класса преподавался коптский язык. Учиться в гимназии стало престижнее, чем в обычной школе, что в условиях хронического дефицита государственного финансирования явилось способом привлечь в сферу образования родительские средства. И родители охотно несут свои деньги в школу, свято веря, что если их ребенок с первого класса лихо щелкает на компьютере, изучает право и экономику, то его будущее обеспечено.

Вместе с тем это внутреннее брожение абсолютно не затронуло следующую ступень образования — вузов. Выпускники сельской школы, столичной гимназии, лицей и кулинарного колледжа получают все тот же аттестат о среднем (полном, общем...) образовании, формально дающий им равные права на дальнейшее обучение или трудоустройство.

В такой ситуации родители вправе спросить: а чем, собственно, гимназия отличается от обычной средней школы?

Сегодня ответа на этот вопрос не найти ни в одном из так называемых нормативных документов. Кроме расплывчатых слов типа «повышенный уровень», мы ничего не узнаем о том, что в первую очередь интересует родителей, — какова *социальная перспектива* для молодого человека, окончившего гимназию. Вместе с тем в первом параграфе Устава Гимназий и Прогимназий, составленного в Министерстве народного просвещения и утвержденного именным указом

30 июля 1871 года, можно прочитать, что «Гимназии имеют целью доставлять воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат подготовительными заведениями для поступления в Университет и другие высшие специальные училища».¹

И это были не пустые слова. Встречность единого гимназического Устава в законодательство Российской империи *гарантировала* выпускникам продолжение образования в университетах. Несмотря на непрекращающуюся общественную критику гимназий, за 30–40 лет российское среднее образование стало одним из лучших в Старом свете.

Европейские системы образования, в отличие от советской, в основных чертах сохранили структуру, сложившуюся к концу XIX века. В наиболее законченной и логичной форме эта структура видна в системе государственного образования современной Германии. В общих чертах ее особенности таковы. Имеются гимназии, образовательные программы которых рассчитаны на девять лет (в восточных землях на восемь). Первые шесть лет обучение ведется по обязательной для всех программе, а последующие три года ученикам предоставляется возможность выбора предметов и уровня. В обязательную программу входит изучение латинского языка (в *Altsprachliches Gymnasium* — и древнегреческого). Все выпускники гимназий сдают единый экзамен — *Abitur*, номенклатура предметов и уровень которого определяются, с одной стороны, избранной в последних трех классах образовательной программой, а с другой — будущей профессией абитуриента. Так, например, для обучения на гуманитарных факультетах университетов необходимо сдать, кроме всего прочего, экзамены по древним языкам, а для обучения на математических отделениях — экзамен по математике повышенного уровня и т. д. Выпускники выбирают не университет, а профессию, и делают это по окончании первых шести лет обучения в гимназии, т. е. на уровне нашего 10 класса. Как таковые вступительные экзамены в университет отсутствуют. Всего в гимназиях Германии обучается от 20 до 30% всех детей школьного возраста. Остальные дети (их, как видим, боль-

шинство!) учатся в различных средних школах — Hauptschule, Realschule, Berufsschule (улучшенный аналог наших ПТУ), — обучение в которых заканчивается десятым классом (считая вместе с начальной школой). По окончании средней школы выпускник может поступить в высшее профессиональное учебное заведение (но не в университет) или сразу заняться трудовой деятельностью по профессии, не требующей высшего образования. Как правило, все средние школы дают ту или иную профессиональную подготовку. Может ли человек, не обучавшийся в гимназии, поступить в университет? В принципе да, но для этого нужно сдать Abitur (см. выше).

Таким образом, родители немецких детей не задаются вопросом, чем гимназия отличается от средней школы. Выбирая по окончании Grundschule гимназию, родители тем самым определяют жизненный путь своего ребенка, предполагая, что последующие 15–16 лет будут потрачены на получение образования. В этом смысле гимназия есть всего лишь звено в непрерывной образовательной цепи, и ее выпускник тем и отличается от выпускника Berufsschule, что готовится к поступлению в университет, а не к работе в автомастерской или супермаркете.

В той или иной степени системы образования стран континентальной Европы повторяют немецкую модель. Особняком стоит Великобритания с традиционно высоким уровнем негосударственных школ, где к гимназиям могут быть приравнены частные (и дорогие!) колледжи — Eton, Winchester и др.

Отсюда следует, что существующие у нас гимназии не являются таковыми в строгом смысле этого слова. Государство не делает различий между выпускниками общеобразовательных школ, лицеев и гимназий. Все учащиеся сдают один и тот же выпускной экзамен; для того, чтобы продолжить образование в вузе, всем им необходимо преодолеть один и тот же барьер, а разница в уровне подготовки компенсируется репетиторством и всевозможными курсами, опустошающими семейный бюджет. Более того, само обучение в государственных высших учебных заведениях все чаще становится платным (в 1999 г. около 40% студентов были приняты в государственные вузы на основе полного возмещения затрат на обучение!).

Заявленная правительством реформа образования² как раз и призвана ликвидировать эти структурные диспропорции, вернуть нас в “семью цивилизованных народов”. За прошедшие с момента опубликования “Национальной доктрины” месяцы в общественном сознании укоренилось мнение, что смысл реформы сводится, в основном, к следующим позициям:

— увеличение продолжительности обучения в школе до 12 лет (начальная школа продлевается до четырех лет, и еще один год добавляется к старшей ступени);

— учреждение единого экзамена вместо выпускного и вступительного в вуз;

— введение так называемых “государственных именных финансовых обязательств” (ГИФО), гарантирующих полную или частичную (в зависимости от результатов единого экзамена) оплату государством обучения в вузе.

Именно вокруг этих пунктов и развернулась общественная дискуссия о содержании реформы. В целом причины и необходимость перемен понятны: то, что округло называется “консервативными тенденциями”, на деле подразумевает, с одной стороны, катастрофическую ситуацию с бюджетным финансированием (по официальным данным, его уровень снизился на 40% по сравнению с 1991 г.), предельно изношенные основные фонды и нищенскую зарплату учителей, а с другой стороны — “педагогическую вольницу”, приведшую в условиях низкого в среднем профессионального уровня педагогов к падению качества образования.

Если предположить, что реформа будет реализована в достаточно полном объеме, то какую картину мы получим через 10–15 лет? И главное, как отразится эта реформа на нашей гимназии, какие опасности нас подстерегают, что мы можем и должны сделать?

Очевидно, введение единого экзамена в связке с ГИФО создаст почву для дифференциации учебных заведений, которая, скорее всего, будет юридически закреплена. Вот тогда-то и возникнут “настоящие” гимназии — учреждения, аттестат об окончании которых дает право беспрепятственно продолжить образование в университетах. Это и будет “приведением в соответствие номенклатуры образовательных учреждений потребностям общества и системы образования”.²

Вызывает сомнение реальность всеобщего перехода на двенадцатилетнее обучение, тем более что это новшество, как и единый экзамен, будет вводиться постепенно в отдельных регионах и в отдельных школах. Более вероятно, что только меньшая часть образовательных учреждений станет двенадцатилетними, а остальные “свернутся” до десятилеток и путь их выпускникам в вузы будет закрыт. Этот процесс будет сопровождаться дивергенцией образовательных программ двенадцатилетних и десятилетних школ, с все большей профессионализацией обучения в последних. Если реформа пойдет таким путем, то в обозримом будущем российская система образования будет в общих чертах схожа с европейской.

Перед классической гимназией, с моей точки зрения, стоят две принципиальные проблемы, от решения которых зависит будущее нашего учебного заведения.

Во-первых, программа обучения, рассчитанная на двенадцать лет. Фактически это означает добавление одного класса в старшую ступень и увеличение продолжительности общего образования на один год — до 10 класса. Если с 5–10 классами все более или менее понятно (вспомним, что до 1998 г. продолжительность обучения в гимназии составляла 6 лет), то преподавание в 11 и 12 классах по этой схеме является для нас чем-то совершенно новым, так как пока не подкреплено ни программами, ни учебными планами. Таким образом, концепция образовательной программы для двух последних лет обучения в классической гимназии должна быть разработана нами в самом ближайшем будущем.

Другая проблема связана с тем, в какой степени единый экзамен будет соответствовать нашим требованиям к выпускнику классической гимназии. Ведь сегодня мы сами устанавливаем уровень и номенклатуру обязательных выпускных экзаменов (за исключением математики и русского языка).

В будущем платное образование будет применяться все шире. По расчетам авторов реформы, к 2010 г. число семей, способных инвестировать в образование, возрастет до 40–45%, причем эти взносы достигнут 3–10 тыс. руб. в год² (это соизмеримо с сегодняшним бюджетным финансированием в расчете на одного ученика). В этих условиях наша задача заключается в том, чтобы сохранить бесплатность обучения в гимназии путем создания механизмов внебюджетного финансирования через Фонд поддержки гимназии и Попечительский совет.

Фото: П. А. Герм

¹ Высочайше утвержденный Устав Гимназий и Прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения // Собрание Указаний и Распоряжений Правительства. 1871. № 69 (49860). С. 85–96.

² Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Утверждена постановлением Правительства РФ от 4. 10. 2000, № 751.

HERMENEUMATA

Двуязычный греко-латинский памятник III в. н. э., известный в науке под труднопроизносимым названием *Hermeneumata Pseudodositheana*, представляет собой сборник упражнений для греческих школьников, желающих изучить латынь; впрочем, им могли пользоваться и римляне, знакомящиеся с греческим. О популярности "Изложений" (в XVI в. их бесосновательно приписали грамматiku Досифею — отсюда заглавие) в поздней античности и средневековье свидетельствует обилие различных версий—"изводов", в которых дошел до нас этот сборник. Значительную его часть занимают так называемые *colloquia* — удивительно близкий предок современного разговорника. Короткие диалоги, сгруппированные по темам, привычным и сегодня (приветствие, одежда, обед, баня и т. д.), сохранили немало живых деталей повседневного быта. Мы публикуем отрывки из раздела, посвященного школе, проиллюстрировав их античными изображениями разных эпох и рисунками нынешних гимназистов.

[1.]

Υἱέ προσφίλτατε, κατάδεξαι τοὺς ἐμούς λόγους· μέγιστον κέρδος ἐστὶν τοῦ πατρὸς ἀκούειν. Ὅρθρῖσαι οὖν πρὸ πάντων ἐν τῇ σχολῇ διαφανέντος τοῦ οὐρανοῦ. Ἐνδύσαι, ὑπόδησαι, ἀπόμαξον τὴν ὄψιν καὶ ὑπαγε πρῶτον πρὸς τὸν Ῥωμαῖον (παρὰ γραφέα, παρὰ γραμματικόν, παρὰ ῥήτορα), ὅπως ἂν δυνηθῆς ἄνθρωπος εἶναι. <...> Γράφε, ἀνάγνωθι, ψήφισον, πρὸς ἡλικίαν τὴν ἀκμάζουσαν ἔλθης καὶ ἔμπειρος καὶ δόκιμος. Πρὸς ταῦτα, παῖ, ἀποκρίνου.

Fili amantissime, percipe meos sermones; maximum lucrum est patrem audire. Manica ergo ante omnia in scholam inlucescite caelo. Vesti te, calcia te, <terga> faciem et vade primum apud Latinum (apud scriptorem, apud grammaticum, apud oratorem), ut possis homo esse. <...> Scribe, lege, computa, ad aetatem vigentem pervenias et peritus et probus. Ad haec, puer, responde.

— Любезный сын, выслушай мою речь: слушать отца — величайшая выгода. Итак, прежде всего вставай в школу рано, едва рассветет. Оденься, обуься, оботри лицо и ступай сперва к учителю латыни (к учителю чтения и письма, к грамматiku, к ритору), чтобы стать тебе человеком. <...> Пиши, читай, считай — расти мужем ученым и уважаемым. Ну-ка, отвечай на это!

[2.]

Ἀνάστα, παῖ. Τί κάθησαι; Ἄρον πάντα τὰ βιβλία τὰ Ῥωμαῖα, τὰς διφθέρας καὶ πινακίδας <καὶ τὸν γλωσσόκομον> καὶ τὸν παράγραφον, τὸ μέλαν καὶ τοὺς καλάμους. Ἀπέλθωμεν, ἀσπασώμεθα.

Surge, puer. Quid sedes? Tolle omnes libros Latinos, membranas et pugillares et locellum et praeductal, atramentum et cannas. Eamus, salutemus.

— Вставай, сын. Что сидишь? Возьми все латинские книжки, свитки, таблички, ящик для свитков и острый стержень, чтобы разметать строки, чернила и тростинки для письма. Пошли, представимся [учителю].

[3.]

Χαῖρε, κύριε διδάσκαλε, καλῶς σοι γένοιτο. Ἀπὸ σήμερον φιλοπονεῖν θέλω. Ἐρωτῶ σε οὖν, <δίδαξόν με> Ῥωμαιστὶ λαλεῖν. Διδάσκω σε, ἐάν μοι πρόσχης. Ἴδου, προσέχω. Καλῶς εἶπας, ὡς πρέπει τῇ εὐγενείᾳ σου.

Ave, domine praeceptor, bene tibi sit. Ab hodie studere volo. Rogo te ergo, <doce me> Latine loqui. Doceo te, si me attendas. Ecce, attendo. Bene dixisti, ut decet ingenuitatem tuam.

— Приветствую тебя, учитель, будь счастлив. С сегодняшнего дня хочу заниматься; и вот прошу тебя, научи меня говорить по-латыни. — Научу, если будешь внимателен. — А я уже внимаю. — Отлично сказано, как и подобает благородному юноше.

[4.]

Πρῶτον ἀσπάζομαι τὸν διδάσκαλον, ὃς ἐμὲ ἀντησπάσατο. Χαῖρε, διδάσκαλε. Χαίρετε, συμμαθηταί. <...> Τόπον ἐμοὶ δότε ἐμόν (βάθρον, ὑπόπδιον, δίφρος). Σύναγέ σε. Ἐκεῖ προσχωρεῖτε. Ἐμὸς τόπος ἐστίν. Ἐγὼ προκατέλαβον. Ἐκάθισα. Κάθημαι. Μανθάνω. Μανθάνεις.

Primum saluto magistrum, qui me resalutavit. Ave, magister! Avete, condiscipuli! <...> Locum mihi date meum (scannum, scamellum, sella)! Densa te! Illuc accedite! Meus locus est! Ego occupavi! Sedi. Sedeo. Disco. Discis.

— Перво-наперво я приветствую учителя, а он в ответ поприветствовал меня. Здравствуй, учитель! Здравствуйте, соученики! <...> Пустите меня на мое место (лавку, скамеечку, стул)! — Сядь плотней! — Двигайтесь туда! — Это мое место! — Я его раньше занял! — Я уселся. Я сижу. Я учусь. Ты учишься.

[5.]

Ἐπίδος μοι, παῖ, τὸ ἀναλογεῖον. Ταχέως οὖν ἐπίδος τὸ βιβλίον, ἀνείλησον, ἀνάγνωθι μετὰ φωνῆς, ἀνοιξον τὸ στόμα, ψήφισον. Ἄρτι καλῶς ποίησον τόπον, ἵνα γράφῃς <ἄμιλλαν>.

Porrigere mihi, puer, manuale. Cito ergo porrigere librum, revolve, lege cum voce, aperi os, computa. Modo bene fac locum, ut scribas dictatum.

— Подай-ка мне подставку для книг, дружок. Так, теперь быстро подай книгу, разверни, читай вслух, шире открывай рот, считай. А сейчас приготовь все как следует, будешь писать под диктовку.

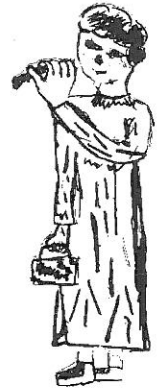

[6.]

<Τὸν μισθὸν> οὐκ ἤνεγκας; Ἦιτησα τὸν πατέρα καὶ εἶπεν· ἐγὼ αὐτὸς ἐλεύσομαι ἐκεῖ ἅμα. Θέλω γὰρ καὶ ἀπόδειξιν λαβεῖν. Πράξον οὖν ἐπιμελῶς, ἵνα ἔτοιμός ῃς. Ἐτοιμός εἰμι. Ἦσα γὰρ τὸν λύχνον καὶ τὴν νύκτα ἐμελήτησα. Καλῶς ἐποίησας, ἄρτι σε ἐπαινώ.

Mercedem non attulisti? Petivi patrem et dixit: ego ipse veniam ibi noviter. Volo enim et experimentum accipere. Age ergo diligenter, ut paratus sis. Paratus sum. Incendi enim lucernam et nocte meditatus sum. Bene fecisti, modo te laudo.

— Как, ты не принес плату? — Я попросил у отца, а он сказал: “Я сам зайду [в школу] вместе с тобой [в лат. тексте: еще раз]; хочу заодно и испытать тебя”. — Ну что ж, трудись прилежно, чтобы быть готовым. — Я готов: я зажег светильник и занимался ночью. — И отлично сделал; за это хвалю.

[7.]

Ἀφορμὰς ζητεῖς πρᾶττειν καὶ οὐκ οἶδας ὅτι αἱ ἀργαῖαι τοὺς παῖδας ἀπαιδεύτους ποιοῦσιν. Δεῖξον, ἴδω, πῶς ἔγραψας; Καλῶς λίαν. Ἄξιός εἰ δαρῆναι. Ἰδού, συγχωρῶ σοι. Σήμερον δὲ ὑπάγε καὶ ἀρίστηρον καὶ ἀπὸ τοῦ ἀρίστου ταχέως ἐλθέ. Καλὰς ὥρας. Καλῶς σοι γένοιτο.

Occasiones quaeris agere et nescis, quod feriae pueros indoctos faciunt. Ostende, videam, quomodo scripsisti? Bene valde. Dignus es vapulare. Ecce, concedo tibi. Hodie autem vade et prande et a prandio citius veni. Bonas horas. Bene tibi sit.

— У тебя одни отговорки на уме; ты, похоже, не знаешь, что от безделья дети вырастают в неучей. Ну-ка, поглядим; покажи, как ты написал? Отлично, нечего сказать. Ты заслуживаешь порки. Ладно, прощаю тебя. Теперь ступай [домой], поешь и скорее приходи назад. В добрый час. Удачи.

Рисунки Полины Роман,
Аси Романовой,
6 класс
Наташи Украинской,
10 класс

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Стаций. Сон (*Silv. V, 4*)

*Перевод Саввы Минаева,
9 класс*

Crimine quo merui, iuvenis placidissime divum,
quove errore miser, donis ut solus egerem,
Somne, tuis? Tacet omne pecus volucresque

feraeque

et simulant fessos curvata cacumina somnos,
nec trucibus fluviis idem sonus; occidit horror
aequoris, et terris maria adclinata quiescunt.

Septima iam rediens Phoebe mihi respicit aegras
stare genas; totidem Oetaeae Paphiaeque revisunt
lampades et totiens nostros Tithonia questus
praeterit et gelido spargit miserata flagello.

Unde ego sufficiam? Non si mihi lumina mille,
quae sacer alterna tantum statione tenebat
Argus et haud umquam vigilabat corpore toto.

At nunc, heu, si aliquis longa sub nocte puellae
bracchia nexa tenens ultro te, Somne, repellit,
inde veni; nec te totas infundere pennas

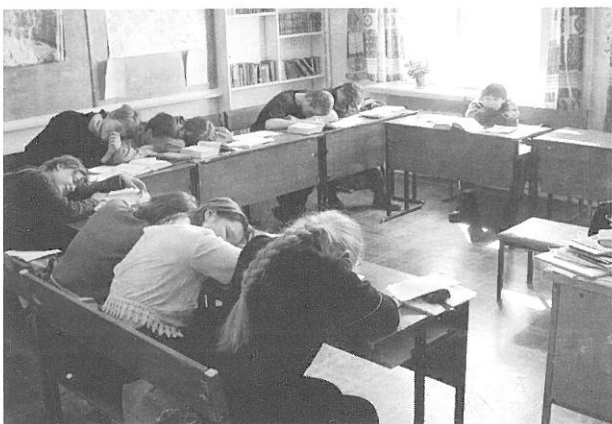
luminibus compello meis — hoc turba precetur
laetior: extremo me tange cacumine virgae,
sufficit, aut leviter suspenso poplite transi.

Чем пред тобой виноват я, о юноша, самый спокойный
Из олимпийцев? Злодейством каким, какую ошибкой
Я заслужил, несчастливцев, просить о твоём

снисхожденье?

Все засыпает: пернатые, скот и дикие звери,
Стихло журчание рек, притворились спящими кроны,
На воду сходит покой, и моря затихают у берега.
Вот уж седьмая Луна возвратилась, чтоб снова заметить,
Мимо скользя, что открыты глаза мои в муке бессонной;
Столько же раз возвращались Этейский и Пафосский светоч,
Столько же раз и Аврора проходит по небу мимо
Жалоб моих и кропит, добросердая, плетью прохладной.
Где мне взять сил? Если б тысячу глаз я имел, будто Аргус!
Но ведь и он, обреченный на страже стоять неусыпно,
Попеременно смыкал их, и всеми не бодрствовал сразу.
Если же кто-то тебя отгоняет, о Сон, добровольно,
С девушкой руки сплетя упоительной долгою ночью —
Брось их! И пусть над моими очами ты крыл не раскинешь
(Это дано лишь счастливым), но просто коснись меня жезлом
Или на цыпочках рядом пройди — мне и этого хватит.

Фото: П. А. Герм, В. Н. Кравченко

А. К. Гаврилов

Пфорта (Schola Portensis)

Еще при Веймарской республике, почувствовав, что для немецкой гуманистической традиции наступают времена тяжелых испытаний, известный историк эллинской культуры и директор славной Пфорты Вальтер Кранц (1884–1960) справедливо решил, что ничего нет выразительнее, чем назвать в реферативном журнале, знакомом всем, кто занимается классической древностью, имена антиковедов, в разное время учившихся в Пфорте. Приведем здесь в переводе с немецкого эту саркастически-деловитую заметку:¹

В. Кранц

Филологи и историки из Пфорты

Читатели “Гномона”, возможно, найдут интересным прилагаемый список филологов и историков, которые получили среднее образование в школе Пфорты (Schulpforte). В скобках указаны даты их пребывания в школе; v. означает *valedixit*, указывая на дату торжественного прощания со школой после выпускной работы.

Joh. Georg Greffe (Graevius) (1645–49v.),
 Joh. Gottlob Boehme (1730–36v.),
 Karl August Boettiger (1772–78v.),
 Georg Dissen (1798–1804v.),
 Friedrich Thiersch (1798–1804v.),
 Ludwig Döderlein (1804–10v.),
 August Meineke (1805–10v.),
 Gregor Wilhelm Nitzsch (1806–10v.),
 Leopold von Ranke (1809–14v.),
 Richard Lepsius (1823–29v.),
 Hermann Bonitz (1826–32v.),
 Otto Jahn (1830–31),
 August Nauck (1836–41v.),
 Curt Wachsmuth (1850–56v.),
 Friedrich Nietzsche (1858–64v.),
 Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff (1862–67v.),
 Karl Lamprecht (1869–74v.),
 Ivo Bruns (1870–72v.),
 Paul Cauer (1871–72v.),
 Johannes Kirchner (1874–80v.),
 Erich Ziebarth (1881–88v.).²

Портреты — живописные, фотографические и скульптурные — этих и многих других мужей украшают наш актовый зал; архив с 1825 года хранит их выпускные работы, а с 1827 — копии свидетельств о выпуске. Мы располагаем следующими их работами, написанными по случаю прощания со школой:

Boettiger, *De verecundia Terentii*; Dissen, *De interventu deorum in Iliade*; Thiersch, *De origine hexametri*; Döderlein, *Diatrise in Sophoclis Oedipo Coloneo*; Meineke, *Observationes criticae in Graecos aliquot scriptores* (в настоящее время утрачена); Nitzsch, *De Herone et Leandro*; Ranke, *De tragoediae indole et natura*; Lepsius, *Über den Einfluß, welchen die Behandlung der deutschen Grammatik in den neuesten Zeiten und die aus ihr und der größeren Bekanntschaft mit dem Sanskrit hervorgegangenen allgemeinen Sprachvergleichen auf die Richtung der Philologie überhaupt und namentlich der klassischen haben müssen*; Wachsmuth, *Vergleichung der Choephoron des Aischylos und der Elektra des Sophokles*;³ Nietzsche, *De Theognide Megarensi*; Wilamowitz, *Inwieweit befriedigen die Schlüsse der erhaltenen griechischen Trauerspiele? Ein ästhetischer Versuch*; Lamprecht, *De Periclis oratione funebri secunda quae invenitur apud Thucydidem II 35–46 commentatio*; Bruns, *Über die Behandlung des Wunderbaren im deutschen und griechischen Volksepos*; Cauer, *Über die moralischen und religiösen Gedanken in den Tragödien des Sophokles*.

История Пфорты

Посмотрим теперь, откуда произошла эта знаменитая школа, труды выпускников которой могут составить не только целую библиотеку, но едва ли не целую культуру.⁴ С XI в. под Наумбургом, недалеко от Веймара и (будущей) Иены, в веселой долине реки Заале обосновались монахи-цистерцианцы. Орден происходил из местечка Сито (Cîteaux) близ Дижона в Бургундии — у римлян Cistertium; отсюда и название ордена, знаменитостью которого до сих пор остается мистик — он же и яростный полемист — Бернар Клервоский. Монастырь по имени *Porta Coeli* (отсюда Pforte, Пфорта) неподалеку от Наумбурга стал форпостом христианской церкви на востоке, откуда миссия простиралась до Прибалтики.

Больше четырехсот лет существовал этот монастырь. С приходом Реформации в 1539 г. он был секвестрован и превращен в одну из трех так называемых Fürstenschulen Саксонии: наряду с Пфортгой (Schulpforte, Pforte) таковыми стали гимназия в Гримме и (Санкт-)Афра в Мейссене (из последней вышел, например, автор “Гамбургской драматургии” и “Лаокоона” Г. Э. Лессинг, интерес которого к театру развился еще в годы учения). Исследователи, не пренебрегающие так называемыми “Программами” немецких ученых гимназий позапрошлого века (то есть ежегодными сочинениями кого-нибудь из их преподавателей), волей-неволей знают имена этих учебных заведений, хотя это не университеты и не академии.

Основателем школы в Пфортге был герцог (впоследствии — курфюрст) Мориц, сын Генриха Благочестивого, правивший в 1541–1553 гг. История сохранила также имя первого ученика (primus omnium Portensium) — некоего Николая Лутце (Nikolaus Lutze), о котором известно, что он то ли хромал, то ли был повешен: нюанс объясняется, по всей видимости, наложившимися одна на другую фонетической и палеографической близостью глаголов *hinken* (агрессивнейший из ямбов — холиямб — называется по-немецки *Hinkiambus*) и *henken* (= am Galgen aufhängen; ср. Henker).

Записывали в школу с 11 до 15 лет; при вступительном экзамене требовалось умение читать и писать. Обучение длилось шесть лет. Учеными кураторами школы некоторое время считались Лейпцигский и Виттенбергский университеты; позже таковым стал университет в Халле. Руководителями и наставниками в школе (ректор, конректор, терциус, пастор, кантор) были сперва богословы. Раз в неделю собирался педагогический совет (‘синод’). Для школы-пансионата была существенна функция ‘гебдомадара’ (Hebdomadar), или “ответственного за седмицу, недельщика”, — учителя поочередно в течение недели несли дежурство в школьном общежитии. При выборе кандидатов на поступление школа должна была соблюдать строгие правила — отдельные города и области притязали на известное число мест.

Латинский язык был в Пфортге ведущим предметом — разговаривать в школе разрешалось только по-латыни (“in schola nil nisi Latine”). Распределение времени на различные занятия и быт учеников можно представить себе по расписанию, какое было установлено в XVII в.: 4. 45 — побудка; 5 — завтрак, молитва; 6 — латинские чтения; 7 — церковная служба; 8 — греческий язык; 10 — за едой эконо́м (oeconomus) читает учащимся; 12 — все школьники собираются вместе (coetus); с 2 до 3 — повторение (авторы-прозаики);

И. Г. Фихте

с 3 до 4 — повторение (авторы-поэты); 4 — вечерняя молитва; 5 — ужин; 6 — повторение (упражнения); 7 — легкий ужин (rosonium).⁵

Таким образом, на сон выделялось девять часов, пять часов на обучение под руководством наставников, четыре часа — на самоподготовку (при этом старшие школьники проверяли младших) и шесть часов — на молитву, еду и отдых. Уже с конца XVII в. в Пфортге складывается примечательная библиотека, а с XVIII в. при школе расцветает сад.

Наполеоновские войска дважды прошли мимо Пфортги. Первый раз — на пути в Россию, когда Наполеон не преминул остановиться у ворот школы, чтобы выслушать разъяснения о

ее истории. На пути обратно он был менее любознателен — вскоре после его прохода в окрестностях школы появились казаки, один из которых прокатил немецкого ученика на своем коне. В связи с новыми переменами на карте Европы саксонское время в истории Пфортги подошло к концу. В 1815 г. Pforte переходит к Пруссии, получает ранг Landesschule и по заслугам становится гордостью прусской образовательной системы. Таковой — несмотря на ряд неизбежных перемен — школа оставалась до первой мировой войны.

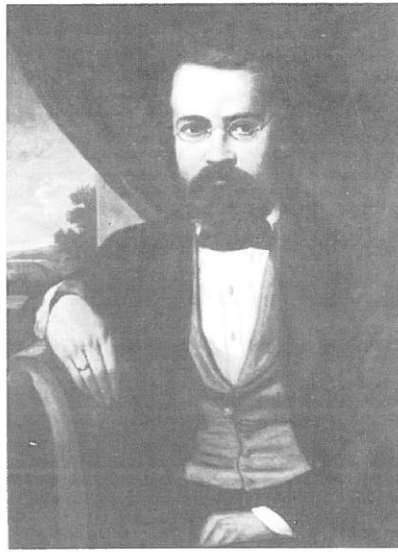
Во времена Веймарской республики устои Пфортги начинают заметно колебаться, так что в улаживании дел стараются принимать участие знаменитые выпускники — например, старый Pfortner и прославленный филолог-классик У. фон Виламовиц-Меллендорф (1848–1931). Печальной вехой в многовековой истории Пфортги становится 1935 год: национал-социалисты приспособливают гуманистическую школу к своим целям и дают ей весьма характерное название *национал-политического образовательного учреждения* (Nationalpolitische Erziehungsanstalt). В последовавший затем период навязанных волей СССР коммунистических экспериментов в Восточной Германии школа пришла в окончательное запустение, от которого начала кое-как оправляться только в последнее десятилетие. Упомянутые выше две (переизданные в объединенной Германии) монографии по истории школы,⁶ которые хранятся в *Bibliotheca classica Petropolitana*, присланы из возрожденной Пфортги.

Выпускники

В матрикулах Пфортги — судя по указаниям тех, кто с ними работал, — обычно приводятся годы, в которые *a. P.* (alumnus Portensis) учился в этой школе; аббревиатура *val.* (valedixit) разъяснена в приведенной выше заметке В. Кранца. Начиная с XVI в. провер-

Л. фон Ранке

О. Ян

женцами школы становились иногда целые семьи на протяжении нескольких поколений, так что матрикулы дают материал для истории семейных кланов (*Sipringeschichte*) — а это бывает небезразлично для истории культуры. Знаменитые выпускники, в том числе филологи-классики, становятся заметнее с XVII в. Самое крупное имя здесь — *Иоганн Георг Гревиус* (1632–1703), который стал профессором в Утрехте и поэтому нередко воспринимается как один из прославленных (в то время особенно) голландских ученых; изданный им *Thesaurus antiquitatum Romanarum* в 12 фолиантах — кладезь сведений, которыми располагала наука великолепного семнадцатого столетия, — впечатляет уже своим объемом.

XVIII век приносит целую плеяду выпускников Пфорты, сыгравших свою роль в немецкой культуре: достаточно назвать *Фридриха Готтлиба Клопштока* (1724–1803) или драматурга *Этиаса Шлегеля*, дядюшку знаменитых впоследствии братьев Шлегелей. Глубокую связь с *alma mater Portensis* навсегда сохранил *Иоганн Готтлиб Фихте* (1762–1814), педагогический энтузиазм которого был существенной частью его философской программы. Выпускниками Пфорты были и братья *Тирши*: Фридрих Тирш (1784–1860) развернул впоследствии обширную педагогическую деятельность в Баварии, что принесло ему имя *praeseptor Bavariae* (в Мюнхене с ним был знаком Тютчев);⁷ его брат Бернхардт, учившийся в Пфорте в бурное время наполеоновских войн, стал автором прусского гимна — так наз. *Preussenlied*. Более специальную известность как многосторонний ученый и “немецкий Цицерон” получил *Й. А. Эрнести* (1707–1781), некоторое время преподававший в школе св. Фомы в Лейпциге рядом с Иоганном Себастьяном Бахом. Блестящий латинист (суровые критики называли его латынь лакированной) и основатель “Иенской литературной газеты” *Г. К. Эйхштедт* (1772–1848) — также выпускник Пфорты.

В XIX в. поросль ученых-классиков, вышедших из Пфорты, становится еще мощнее. Назовем имена,

известные каждому историку античной литературы: это исследователь аттической комедии *Август Мейнке* (1790–1870), преподававший впоследствии в берлинской Йоахимстальской гимназии, а также *Вильгельм Адольф Беккер* (1796–1846), создатель одного из наиболее влиятельных введений в частную жизнь древних.⁸

Несравненным знатоком Аристотеля стал *Герман Бонитц* (1814–1888), который позже преподавал в берлинской гимназии *Zum Grauen Kloster*, являясь при этом членом Прусской академии наук. Монументальным индексом Бонитца к Аристотелю исследователи пользуются до сегодняшнего дня. Когда в Австрии захотели подтянуться к Пруссии в отношении гимназического образования, в Вену пригласили Бонитца.

В пропаганде латинского языка отличился *Людвиг фон Дедерляйн* (*Döderlein*, 1791–1863; ал. Р.: 1804–10v.); особенно известны его занятия латинской синонимикой. *Карл Кайль* (1812–1865) стал выдающимся эпиграфистом. Не только *Георг Диссен* (1784–1837), но также *Эразм Шмид* (1570–1637) и сегодня знакомы тем, кто занимается Пиндаром; и проч. и проч.

Русских классиков не может оставить равнодушным тот факт, что в 1841 г. Пфорту окончил *Август Карлович* (1822–1892): вторую половину своей жизни Август Карлович провел в Петербурге, где был профессором Историко-филологического института и членом Петербургской академии наук. (Почти полная омонимия *ак. А. Наука*, жившего в академическом доме на Николаевской набережной, и *Ак. Наука* была камнем преткновения для петербургских почталыонов.) Вклад Наука в грецистику хорошо известен: его *Tragicorum Graecorum Fragmenta* (21889) даже и теперь, в 2001 г., скоро будут, но все еще не заменены новым изданием — теперь уже пятитомным и подготовленным несколькими крупными специалистами.

Старшим современником Наука был *Отто Ян* (*Jahn*: 1813–1869), учитель и друг Т. Моммзена, а затем, в Бонне, и Виламовица.⁹ Кроме работ по античной литературе и классическому искусству, Ян известен как автор обширной и ценимой до сих пор трехтомной монографии о Моцарте. Знаменитыми учениками Пфорты, которых разделяло в школе расстояние в три года, были *Ф. Ницше* (*Friedrich Nietzsche*, 1844–1900: 1858–64v.) и *У. Виламовиц* (*Ulrich v. Wilamowitz-Moellendorff*: 1862–1867v.). Принципиально важная полемика второго с первым¹⁰ сыграла немалую роль в истории классической филологии и немецкой культуры в целом. Впрочем, проницательный взгляд Ф. Ф. Зелинского, назвавшего обоих Диоскурами немецкой классической филологии второй половины XIX в., отметил и значительную общность между этими соучениками по Пфорте и Бонну, а затем — антагонистами.

Минюта таких примечательных ученых, как *К. Ваксмут* (1837–1905), который особенно известен книгой о топографии Афин, обратимся теперь к следующим поколениям выпускников Пфортты. Монография *И. Брунса* (1853–1901) *Das Griechische Porträt* стала научной классикой; двухтомный труд ревельского уроженца *Й. Курхнера* (1859–1940) *Prosopographia Attica* по сию пору служит вехой в богатом и постоянно пополняющемся репертуаре аттических персоналий, т. е. в деле собирания данных обо всех лицах, о кото-

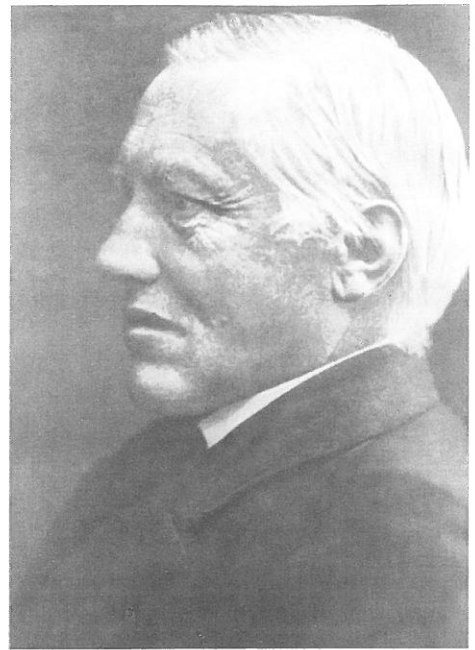

Ф. Ницше

рых хоть что-нибудь дают источники, включая неиссякающие эпиграфические и папирологические находки. *Отто Керн* (1863–1942) собрал и издал фрагменты орфиков. Линию В. А. Беккера продолжил *Э. Цибарт* (1888v.), изучавший античные реалии: устройство античных городов, школ, театра. *Пауль Кауэр* (Cauer: 1854–1921, 1871–72v.) — не первый Pfortner из своей семьи — известен всякому, кто хочет вникнуть в перипетии гомеровского вопроса, латинскую и греческую стилистику или вопросы происхождения морали. При всем многообразии своих научных достижений Кауэр, как и многие другие выдающиеся ученые, был прежде всего учителем классической гимназии.

Мы назвали имена специалистов-антиковедов; между тем ученики Пфортты отнюдь не ограничивали свои интересы классической древностью. *Р. Лепсиус* (1810–1884) стал одним из столпов египтологии,¹¹ *П. Дойссен* (1845–1919) — индолог и популяризатор индийской философии, а также издатель Шопенгауэра (в 1872–1880 гг. Дойссен приглашался воспитателем в русские семейства). Безусловной гордостью Пфортты являются *Л. фон Ранке* (1795–1886)¹² и *К. Лампрехт* (1856–1915) — крупнейшие представители всеобщей истории в Германии. Здесь же перед первой мировой войной учился Р. Дитцен — популярный писатель, взявший псевдоним *Ганс Фаллада* (1893–1947).

Большинство приведенных выше имен до сих пор почти ежедневно на устах у современных ученых, занимающихся историко-филологическими исследованиями. Они действовали в разных областях науки, в различных учреждениях и даже государствах. Тем поучительнее, что основой их учености, как сами они охотно и с гордостью признавали, была все та же Пфортта. Нередко свои лучшие или по меньшей мере этапные произведения выпускники посвящали *Almae Matri Portensi*: Наука — “Фрагменты греческих траги-

У. фон Виламовиц-Меллендорф

ков”, Виламовиц — монументальный комментарий к “Гераклу” Еврипида, Кауэр — собрание своих насыщенных гуманистическим опытом педагогических речей.

Педагогика Пфортты

Как видим, в Пфортте было немало славных воспитанников. Кто их учил? Это не последний вопрос для того, кто хочет понять процесс и результаты обучения: преподаватели не только передают знания, но, пожалуй, в большей степени, чем учащиеся, определяют атмосферу занятий. Нередко это бывали выпускники Пфортты, *alte Pfortner*. Перечислять здесь учителей различных эпох было бы долго, поэтому упомянем лишь несколько имен. На переходе от саксонского периода к прусскому долгое время (1802–1831) ректорствовал известный немецкий педагог *Карл Давид Ильген* (1763–1834), до того — профессор восточных языков в Иене. Из последующих ректоров знамениты (пусть у немногих) двое: историк Рима, оппонент некоторых взглядов Моммзена *Карл Петер* (1808–1893) и *Вильгельм Корссен* (1820–1875), исследователь латинского, а также этрусского языков.

Программа обучения в Пфортте ставила перед собой большие цели. Постараемся составить представление о том, насколько они выполнялись, на основании достижений учеников и их воспоминаний о школе. Вопрос о соотношении воспитания и образования в Пфортте решали, будто бы, просто: *воспитание через образование*. Думается, что самоанализ в этом пункте не был достаточно емким: выпускники — как это часто случается, когда люди оценивают свою жизнь, — опускают то, что в их бытность в Пфортте подразуме-

валось само собой. Являясь пансионатом и продолжая в какой-то степени традиции монашеского общежития в *Porta Coeli*, Пфорта представляла из себя то, что иногда называли “государством школьников”. А ведь это вряд ли чем-нибудь иным восполнимый, опасный, но вместе с тем и мощный инструмент воспитания! Во всяком случае, принцип самоуправления и распределения жизненных ролей безусловно способствовал становлению личности пансионеров. “Баловство” во всем, что касалось качества обучения, книг, досуга уравнивалось строгим распорядком и воспитанием чувства долга, доходя иной раз до “солдатской” ноты.¹³

В. Кранц

Одним из важных приемов в системе Пфорты было обучение младших школьников старшими — попробуйте отделить здесь дидактическую сторону от педагогической. Любопытно, что при этом даже в таком элитарном и гуманистическом учебном заведении появлялось то, что в российской армии именуется “дедовщиной”, но и по-немецки давно называлось похожим образом: *Veteranismus*. Гелертерская дедовщина принимала, впрочем, гуманистические формы: в анналах школы известен случай, когда в качестве наказания старшеклассник заставил младшего выучить наизусть 900 стихов “Фауста”. Чтение греческих и латинских авторов, как свидетельствует Ницше, воспринималось в Пфорте самими учениками как знак хорошего тона. В течение недели почти все время учащихся было посвящено древним писателям и древностям. “*Что же делают в Пфорте в выходной день?*” — спросили как-то одного из воспитанников. “*По выходным мы читаем немецких авторов*”, — ответил он.

Главной целью школы было овладение древними языками. По тонкой и непринужденной латинской речи выпускники легко узнавали друг друга даже в хорошие для латыни времена. Впрочем, целью считалось не только знание языка, но и развитие языкового чувства, воспитание стиля. Последнее достигалось множеством литературных упражнений — в Пфорте все были немного поэтами. Сочинения в прозе и стихах — прежде всего на латинском — были постоянной заботой в школе. Лучший стихотворец награждался на Рождество праздничным гусем (*Martingans*). Венцом научных и литературных занятий являлась уже не раз у нас упоминавшаяся *Valediktionsarbeit*. Хорошо известно, что школьные темы Ницше (Феогнид) и Вилламовица (театр Еврипида) играли затем заметную роль в их последующих занятиях. Так, Ницше не только продолжал филологически изучать Феогнидовский сборник, но, по-видимому, испытал влияние послед-

него в своем тяготеющем к афоризму оригинальном творчестве.

В Пфорте пугалом считалась полуученость, полуобразованность. В учениках воспитывалась, наряду с привитием знаний, способность к исследованию и творчеству. Отличительной особенностью школьной программы было и время, выделенное на самостоятельные занятия. Школа ограничивала передвижение учеников (Вилламовиц за годы обучения не имел случая осмотреть освященный в 1252 г. великолепный Наумбургский собор), но не свободу в занятиях. Считалось, что сперва воспитанник должен выполнять общие задания, а затем ему предоставлялось право выбирать их самому. Это была “трудная школа в надлежащее время”, по выражению

Ницше, который и сам, как в свое время Фихте, не сразу привык к этой строгости.¹⁴ Кроме того, в Пфорте культивировалась музыка — вокальная и инструментальная; напротив, развлечения (например, вошедший тогда в моду бильярд) последовательно отвергались, потому что, как объяснял один из ректоров, “*на это будет время в университете*”. В целом достигалась привычка “собирать и направлять свои силы на определенную цель”, а рядом с этим — “мужество не знать и не мочь”.¹⁵ Это сознание ограниченности данных человеку возможностей вместе со стремлением дойти до их пределов вело выпускников к победному использованию всего, что они могли взять в своей школе.

Любовь к Пфорте и ее традициям заметна у большинства бывших воспитанников школы. Не менее двенадцати семейств отдавали детей в Пфортю на протяжении трех с половиной столетий. Уважение выпускников к своим соученикам (без различия между поколениями) напоминала связь рыцарей одного ордена;¹⁶ изучая историю Пфорты, русский читатель не раз вспоминает Царскосельский лицей, особенно его первый выпуск. Союз друзей Пфорты (*Bund der Alten Pfortner*) был готов не только праздновать ее юбилеи, но и помогать школе в испытаниях, какие неизбежны для столь долго утверждающих себя институтов.

Такова в нескольких словах легендарная и все-таки правдивая история одной из знаменитейших школ Германии. Пфорта поколениями воспитывала будущих наставников своего (и не только своего) народа. Она была и навсегда останется символом успеха той образовательной программы, которая не просто дает обществу высоко культурных людей, но по существу делает их носителями сразу двух цивилизаций — новейшей европейской и европейской классической, соединяя таким образом даль прошлого с простором будущего.

¹ *W. Kranz. Pfortner Philologen und Historiker // Gnomon. 1930. Bd 6. S. 558–559 (= Idem. Studien zur antiken Literatur und ihrem Fortwirken / Hrsg. von E. Vogt. Heidelberg, 1967. S. 474).*

² Кранц решительно ограничивается теми, кто по окончании школы продолжал заниматься историко-филологическими дисциплинами. Он не упоминает даже таких выпускников, как Клопшток или Фихте, оставляя в стороне выдающихся представителей точных и естественных наук и уж тем более — государственных и военных деятелей.

³ Эта работа была подана юным К. Ваксмутом наряду с математической.

⁴ *H. Gehrig. Schulpforte und das deutsche Geistesleben; F. Heyer. Aus der Geschichte der Landesschule zur Pforte. Darmstadt, 1943.* Эти во время войны и несмотря на нее появившиеся работы — подарок двух бывших учеников Пфорты к ее 400-летию — недавно были фотомеханически переизданы, также под единой обложкой (Göttingen, s. a.).

⁵ Это слово не засвидетельствовано ни в *Oxford Latin Dictionary*, ориентированном на античную латынь, ни в *Glossarium mediae et infimae Latinitatis* Ш. Дюканжа; по-видимому, Schulpforte получила его в наследство от монахов Porta Coeli.

⁶ См. прим. 4.

⁷ Прусской педагогической формуле “всесторонность, надзор, экзамены” Ф. Тирш в Баварии противопоставлял девиз “сосредоточенность (т. е. концентрация на древних языках), свобода, самодеятельность”. В особенности последний член триады показывает, кажется, влияние Пфорты на своего бывшего воспитанника.

⁸ *W. A. Becker. Charikles: Bilder altgriechischer Sitte / Neu bearb. von H. Göll. Bd 1–3. Berlin, 1877–1878; Idem. Gallus oder Römische Scenen aus der Zeit des Augusts: Zur genaueren Kenntnis des Römischen Privatlebens. Neu bearb. von H. Göll. Bd 1–3. Berlin, 1880* (обе книги неоднократно переиздавались с дополнениями и усовершенствованиями).

⁹ Последний, надо сказать, всегда особенно уважал выпускников своей школы: он почти боготворил Яна и глубоко почитал Бонитца и Наука. Вообще тот, кто знает состав выпускников Пфорты, может уличить их в том, что они с особой охотой цитируют своих.

¹⁰ Перипетии этой полемики теперь доступны в русском издании: *Ф. Ницше. Рождение трагедии / Сост., общ. ред., комм. и вступ. ст. А. А. Россиуса. М., 2001.*

¹¹ Как-то раз египтяне в числе прочих достопримечательностей показали ему (и прусскому принцу, которого ученый сопровождал) могилу знаменитого... Лепсиуса.

¹² Задача истории — как традиционно передают высказывание Л. Ранке — узнать, “как оно в сущности было (*wie es eigentlich gewesen ist*)”.

¹³ У Ницше был проект восславить собственный (нелегко ему давшийся в отношении дисциплины) опыт в Пфорте, дав ему имя ‘Soldatenkultur’. Может быть, не стоит жалеть о том, что он не успел выполнить своего намерения — некий опасный уклон, свойственный многим оценкам Ницше, не раз становился притягательным для упрощенно-грубых истолкований.

¹⁴ Уже упоминавшийся крупнейший русский классик и филологический виртуоз Ф. Ф. Зелинский говаривал (в передаче Я. М. Боровского): “*Легкая школа — это социальное преступление*”.

¹⁵ Наряду с классической, приписываемой Готфриду Герману формулировкой *Est quaedam nesciendi ars et scientia*, у Виламовица была любимая поговорка о смутном, ненадежном знании: “*Das Nichtwissen ist besser*” (т. е. ‘лучше не знать, чем знать плохо’).

¹⁶ О. Ян, которого мы называли выше, распорядился снабдить свое надгробие надписью с могилы одного из учителей, А. Ланге (1778–1831) — историка античной скульптуры и знатока римской трагедии, умершего в пору обучения Яна в Пфорте. Эпитафия гласила: *VOLUIT · QUIESCIT*.

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Вера Жижина

10 класс

ДЕНЬ ХВОСТОВ

Всеми забыты мы, брат? Ерунда!
С длинным хвостом и беда не беда!
Р. Киплинг

Хвост есть незаменимая часть жизни и тела.

Вы сомневаетесь? Тогда соблаговолите, пожалуйста, ответить мне на простой вопрос — есть ли такие, кто ни разу не сдавал в конце четверти... чего? Ну, ну, правильно говорите — ХВОСТОВ. А теперь позвольте поинтересоваться у прекрасной части населения — если вы, конечно, не острижены наголо, — как вы называете прическу, когда волосы стянуты резинкой? Опять же: ХВОСТ. А раньше еще бывали за сахарным песком и прочим дефицитом ХВОСТЫ. А еще... можно называть бесконечно. Но пора уже привести все вышеперечисленное к общему знаменателю. К какому же?

А вот к этому:

Личность без хвоста невысказана.

И пусть следуют возражения, что хвост — это атавизм, пусть. Атавизмы полезнее и значительнее, чем, например, рудименты. А хвост — хвост придает чувство собственного достоинства. Если это, конечно, не хвост по алгебре.

К сожалению, человек — тупиковая ветвь эволюции. От хвоста у него остался только копчик. А что такое копчик? Кость и больше ничего. Ни помахать

им, ни за ветку уцепиться, ни подержать что-нибудь, когда руки заняты. Толку, в общем, никакого.

Но человек, тупиковая ветвь эволюции, потому и зашел в тупик, что начал соображать и находить выход из любой ситуации.* Нашел и из этой.

Когда он, человек, чувствует, что ему не хватает чего-то жизненно важного, он, как правило, провозглашает один день в году Днем Этого Чего-то, Жизненно Важного. И потом в течение всех остальных дней, недель и месяцев, сознавая, что Чего-то явно не хватает, греется мыслью об этом дне. А когда день наступает, он, человек, выдает годовые нормы.

Например, редкий мужчина не считает своим долгом помыть посуду Восьмого Марта. Редкая женщина не скажет своему мужу (отцу, брату, сыну, другу) Двадцать Третьего Февраля, что без защитников нашему отечеству полная хана. И редкий вообще человек не преисполнится гордостью, почувствовав себя Вполне Солидарным с Трудящимися Первого Мая.

А в остальные дни на все это просто времени не хватает. Другое дело, если есть праздник — можно специально подготовиться, даже принять Решение.

Почему бы один раз в году не побыть хвостатым?

Решение приняли, объявление повесили — вот так и получилось, что осенью 1996 года был торжественно провозглашен Первый День Хвоста. Потом он стал

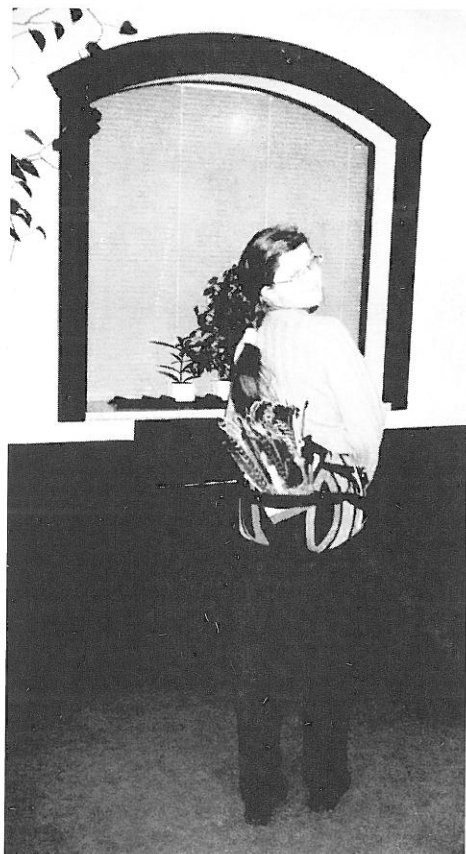
проводиться регулярно. *Милый обычай и веселый праздник.

Что же в нем особенного?

А вот что: раскрывается сущность каждого человека.

* Внимательно прочитав последнюю фразу, редакция спросила у автора, в самом ли деле он хотел сказать именно это. Ответ был до такой степени утвердительным, что мы печатаем загадочный пассаж без изменений. — *Ред.*

Interdum inflexus medio nascentia tergo
respicit arridens hirtae ludibria caudae.

... А иногда, обернувшись, с улыбкой следит за вилянием
Пышного шерстью хвоста, что растет у него за спинойю.
(Силий Италик, "Пунические войны", XIII, 339–340)

Τῶν κέρκων διαφοραὶ τε εἰς πλείους καὶ ἡ φύσις παρα-
καταχρῆται καὶ ἐπὶ τούτων, οὐ μόνον πρὸς φυλακὴν
καὶ σκέπην τῆς ἔδρας, ἀλλὰ καὶ πρὸς ὠφέλειαν καὶ χρῆ-
σιν τοῖς ἔχουσιν.

Разновидности хвостов весьма многочисленны; также
и здесь природа изыскивает дополнительную выгоду, [упо-
требляя хвосты] не только для того, чтобы защитить и
прикрыть седалища, но также и на пользу их владельцам.
(Аристотель, "О частях животных", IV, 689b, 30 sqq.)

Допустим, ходит кто-нибудь вообще без хвоста.
Так это зануда, консерватор или элементарный лен-
тять. Или противник подобных вольностей. А вот
Маша Гальперина, у которой хвост и так называемый
прикид выдержаны в едином стиле. Сразу ясно, что
Маша особа со вкусом и собственным взглядом на
вещи.

Ну и так далее. Все становится моментально по-
нятно, стоит только внимательно приглядеться к бра-
ту по хвосту! Бывает, что узнаешь много нового и ин-
тересного еще и о себе самом. Да-да, посредством за-
колдованного хвоста.

Кто бы, например, мог с полной уверенностью ска-
зать о себе, что всегда говорит правду? Никто. А как
это определить? Оригинальный способ решения проб-
лемы нашел Гриша Воробьев: его заколдованный
хвост виден только тем людям, которые ни разу за
свою жизнь не соврали.

Надо сказать, что этот хвост — красоты необычай-
ной. Заверяю как очевидец.

А за Ритой Тарасовой ходила целая очередь.
И клянчила:

— Марго, ну дай ...

— Ну Рита, ну пожалуйста...

— Вон у тебя сколько — поделись с нами...

Ритин ответ достоин всяческого уважения:

— После парада хвостов — поделюсь!

Действительно, после Парада Рита ходила уже
без хвоста ("даже сам Мичурин очень удивился" та-
кому применению неэкзотического, но и ни с чем не
сравнимого фрукта), зато половина школы жевала
яблоки.

Кстати, надо бы рассказать и о Параде Хвостов.
Это мероприятие происходит в рекреации четвертого
этажа — то ли к небу ближе, то ли места больше, то
ли и одно, и другое. Но свободного пространства все
равно не хватает, особенно если хвост достигает осо-
бо крупных габаритов.

Такой оказался у Нади Козловской. По гимназии
в День Хвостов она ходила с большой осторожно-
стью, чтобы не растерять и не повредить тянущийся
за ней шлейф из Родственников и Знакомых, которых
прицепилось десятка два. Этот хвост даже не удалось
продемонстрировать широкой общественности во
всей красе, потому что в рекреации четвертого этажа
он попросту не уместился и кончик — достаточно
длинный кончик — вылез в коридор. Вот и прояви-
лась Надина сущность — до сих пор Родственники и
Знакомые таскаются за ней хвостом.

На самом первом параде опять же первое место
заял хвост небезызвестного Сергея Владимировича
Бурячко. Как и упомянутый выше, этот хвост был сим-
воличен. Кусок веревки невероятной длины, от кото-
рого, в свою очередь, разбегались ни на что не похо-
жие ответвления (вроде разного рода предметов, из-

дающих разного рода звуки, как то: грохот, шуршание, перезвон-перестук и так далее, вплоть до гиканья). Это сооружение как нельзя лучше символизировало обузу, которую являет собой школа — некое шумящее, звенящее и беспорядочное образование...

Все хвосты перечислить невозможно. Конечно, из года в год передаются некие непреходящие мотивы, вроде небрежно завязанного вокруг талии гимназического шарфика, какого-нибудь незамысловатого предмета, прицепленного к хлястику, или, на худой конец, как можно более длинного обрывка бечевки. Но в основном общественное воображение работает бойко и иногда принимает, как уже говорилось выше, совершенно неожиданные формы.

Славу Самого Длиннохвостого за всю историю праздника заслужил Даня Малкин после того, как эта его конечность, спущенная с четвертого этажа на первый, была привязана к одному из щитков возле Античного кабинета, а сам хвостonosитель продолжал спокойно разгуливать по гимназии.

С помощью хвостов кое-кто выражает свои потаенные мысли. Так, например, грохочущий по лестнице вслед за своим владельцем рюкзак так и кричит: “Надоело учиться! Надоело учиться! Надоело...” Обычно хозяин к подобному хвосту относится далеко не бережно, а иногда даже применяет его в рукопашном бою (причины боя выясняются).

Доходит и до крайностей. Один хвост его обладателю пришлось даже отцепить: прикрепленный к куртке Михаила Темерева (Трака) бильярдный кий с надписью “Траков Хвост” не внушил доверия Ольге Сергеевне Вавиловой, учителю физики в десятом классе. “Миша, — сказала она, — а вы не подумали о том, что случится, если вы ненароком *сядете на эту палку?*” Ее отнюдь не беспочвенные опасения за целостность организма Михаила (Трака) и нервы — собственные и всех окружающих — привели к тому, что “Траков Хвост” пришлось в дальнейшем использовать только как тросточку.

Но это единичный случай. Как правило, хвосты в большинстве своем хотя и оригинальны, но все-таки безопасны.

Товарищи! Помните: до следующего Дня Хвоста осталось **ВСЕГО ПОЛГОДА**. Не забудьте, что это совсем небольшой промежуток. И что надо придумать себе такой хвост, какого еще ни у кого не было. Чтобы ахнула пораженная общественность и восхищенно завертела собственными хвостами. А ведь таким образом, кстати говоря, их можно использовать вместо пропеллеров...

Реализуйте скрытые возможности!

Помахивающий хвостом в знак уважения
Бенцион Лецингер

Καὶ οὐρὰν δὲ καὶ χαιτὴν
πλύνειν χρῆ

(Ксенофонт,
“О верховой езде”, 5, 7)

Πολλάκις ἐκ λύχνου πῖον ἔλειξαν ἕαρ
ἀλκαίαις ἀφύσαντες...

Часто из плошек они жирное масло крадут,
Черпая ловко хвостами...

(Каллимах, “Причины”, фр. 177, 22–23 Pfeiffer)

Membrorum <...> alia videntur propter eorum usum esse donata, ut manus, crura, pedes <...>, alia autem nullam ob utilitatem quasi ad quendam ornatum, ut cauda...

Одни части тела, как очевидно, даны из-за их полезности — таковы руки, голени, ступни; другие же безо всякой пользы и словно бы для украшения, как хвост...

(Цицерон, “О пределах добра и зла”, III, 18)

Leonum animi index cauda
(Плиний Старший, VIII, 49)

ἡ κέρκος ποιεῖ καλῶς
(Аристофан, "Мир", 1054–1055)

...cauda est mutatis addita membris.
(Овидий, "Метаморфозы", V, 456)

EX IPSO FONTE

Вспоминает Татьяна Ильинична Мнёва, библиотекарь гимназии в 1996 г. и *πρώτος εὔρετής* Дня хвостов (интервью по телефону):

— Началось все с того, что мы сидели и пили кофе в библиотеке. Потом пошли в курилку, и там вдруг обнаружилась некоторая неловкость. В общем, привычная ситуация — в одной руке чашка, в другой сигарета, все нормально — а почему-то не хватает одной руки всем. И внезапно нам с Мих-Михом [М. М. Позднев, преподаватель древних языков. — *Ред.*] стало понятно, что это ощущение — нехватки одной руки — органически присуще человеку, и что когда-то этой третьей рукой был хвост, и именно от его отсутствия человечество столь неловко, ущербно и несчастно. Это первая идея. А вторая идея состояла в том, что осознание этого несчастья должно выражаться в некоем празднестве, компенсироваться. Таким образом и возник День хвостов — первоначально он должен был называться "День траура человечества по поводу утраты человечеством хвоста".

Накануне Даша [Д. И. Захарова, выпускница 1995 г. — *Ред.*], которая умеет красиво писать, нарисовала большое объявление, и мы пошли вниз, чтобы его повесить. Первым прибежал Вова Супоницкий и стал испуганно спрашивать, что делать, если нет хвоста — пустят ли в школу. Утешив его, мы с Дашей назавтра [14 ноября 1996 г. — *Ред.*] принесли на всякий случай кучу всяких веревочек, фантиков... И стали появляться дети с хвостами. Без хвостов пришли некоторые учителя, но к концу дня и они как-то незаметно ими обзавелись. В частности, героизм проявила одна из классных дам, имени которой я, к сожалению, не помню. Насмотревшись на детские и учительские хвосты, она в какой-то момент вырезала себе ажурный бумажный хвост, прицепила и с ним долго ходила. Очень красивый, профессиональный, изящный хвостик был у Марины Юрьевны Брук [преподаватель химии. — *Ред.*] — из стеклянной колбочки, заткнутой пробкой, и маленького резинового шланга. У директора хвост был совершенно потрясающий, он гордо перекидывал его через руку, как шлейф. И все почему-то ужасно радовались и гордились своими хвостами. А кое-где при этом происходили доклады, правда, довольно вялые. Про свои доклады я твердо помню, что один касался масонской символики, где, конечно, всюду был хвост; второй был про черновики Пушкина, где доказывалось, что на месте вычеркнутых и неразобранных слов должно стоять слово "хвост", а третий, кажется, про Ростана; во всяком случае, там упоминался нос Сирано де Бержерака, который тоже был хвостом...

Фото: П. А. Герм, В. Н. Кравченко
Рисунок Лизы Герм,
5 класс

Обезьяна и лиса (Федр, Appendix Perrotina 1)

Vulpem rogabat partem caudae simius,
contegere honeste posset ut nudas nates;
cui sic maligna: "Longior fiat licet,
tamen illam citius per lutum et spinas traham,
quam parvam quamvis partem impertiar tibi".

Взмолилась обезьяна: "Одолжи, лиса,
Хвоста хоть самый кончик! Нечем зад прикрыть!"
"Будь даже он длинней, — в ответ негодница, —
По грязи, по колочкам протащу его
Скорее, чем отдам тебе хоть столечко".

И. Г. Левин: “Библия — это библиотека”

В феврале — апреле 2001 г. выдающийся фольклорист, востоковед и библеист, член многих международных ученых обществ, профессор Исидор Геймович Левин по приглашению Bibliotheca classica Petropolitana прочел для учеников, выпускников и преподавателей Санкт-Петербургской классической гимназии курс “Шесть лекций о Библии”. Уже по ходу чтения шесть лекций превратились в восемь; достигнута договоренность о продолжении занятий в следующем учебном году. По завершении курса мы попросили И. Г. Левина ответить на ряд вопросов о Библии, об этих лекциях и о себе. Полностью текст интервью будет опубликован в третьем выпуске альманаха “Древний мир и мы”; здесь мы предлагаем вашему вниманию несколько выдержек.*

— *Что такое Библия?*

— По-русски слово “Библия” воспринимается как имя существительное женского рода и, увы, единственного числа. Прежде всего надо усвоить, что это слово восходит к названию финикийской гавани Библ (ныне в Ливане), откуда шел из Египта импорт листов папируса, служивших грекам материалом для письма; из него делали “книги” (τὰ βιβλία). “Библия” по-гречески — слово среднего рода в форме именительного падежа множественного числа; обозначает оно совокупность книг. Если это крепко усвоить, можно избежать множества ошибок при ознакомлении с содержанием этой “книги книг”.

Библия — это библиотека, сборник разных книг, сочинений словесности, записанных в течение последнего тысячелетия до н. э. на Древнем Востоке по-еврейски (немножко по-арамейски). Это очень значительная часть мировой культуры.

Первый перевод еврейской Библии был осуществлен в Египте в период между 300 и 130 гг. до н. э. Это был перевод на греческий, с которого много позже были сделаны переводы на славянские языки. С еврейского довольно рано были изготовлены латинские переводы (полностью — в начале V в. н. э.), легшие в основу переводов Библии на все народные языки западной Европы и остального мира. Библия — самая распространенная в мире книга, она существует в 1850 перево-

дах. Знакомство с ней стало достоянием образованности, объединяющей человечество.

— *Если Библия — это библиотека, то можно спросить, из скольких и каких книг она составлена, где, когда и как она сложилась.*

— Как ни странно, читатели Библии веками пребывали в неведении на сей счет и удовлетворялись догадками. Оглавление Библии на эти вопросы ответа по существу не дает; для этого потребовались сложные исследования нескольких поколений многочисленных ученых — филологов-библеистов. В результате их работы в Библии выявлены ее исконные части, которые были сочинены людьми для людей в разное время. За восемь лекций я мог лишь кратко описать вам каркас Библии, перечислить и очертить *блоки*, из которых постепенно Библия была смонтирована.

* Подробнее о жизни и трудах И. Г. Левина можно узнать из библиографического очерка Е. А. Костюхина, опубликованного в многотомной немецкой “Энциклопедии сказки”: Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Bd 8. Berlin; NY, 1996. Sp. 997–999 (статья об Исидоре Геймовиче в этом издании располагается между... Леви-афаном и Леви-Строссом).

— *Каким образом библейские книги сохранились и стали достоянием человечества?*

— Древнейшие рукописи текстов еврейской Библии обнаружены не так давно в пещерах у Мертвого моря, куда их спрятали для сохранности в последних веках до н. э. До этой случайной находки древнейшей рукописью считались списки X в. н. э., сделанные добросовестными писцами семьи Бен Ашер, очевидно, на основе еще более древних копий. Один такой экземпляр рукописи был приобретен для России и хранится в Петербурге. Он написан на пергаменте, т. е. на отбеленной коже, чернилами, поздним еврейским письмом. Греческие копии перевода писались на спрессованных листьях папируса и имели вид “книг”, а не свитка. Хорошая копия Нового завета была обнаружена в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове немецким ученым К. Тишендорфом в середине XIX в. На основе всех дошедших до нас библейских списков ученые-библеисты составили критический текст. Благодаря изобретению книгопечатания Библия стала широко доступна, также и в переводах.

— *В каком порядке лучше читать Библию?*

— По традиции, когда еще считали, что Библия (Пятикнижие, Тора) была написана Моисеем свыше трех тысяч лет тому назад, чуть ли не под диктовку самого Бога, люди читали Библию сплошь в порядке “канона” (сложившегося в конце I в., о чем, однако, тогда не знали). То был порядок “повествуемого времени”, начиная от сказания о сотворении мира — это событие, как полагали, произошло около 6000 лет тому назад. Считалось, что до этого не было ничего!

В то время основным источником сведений о древнем мире была Библия (впрочем, также и греческая литература). Теперь же, после обнаружения богатых библиотек древней письменности и после расшифровки языков шумеров, вавилонян, египтян и др. (не ранее чем 200 лет тому назад), ученые располагают большим количеством сведений, которые позволяют лучше понять относительно молодые тексты Библии как памятники литературы. Стало ясно, что при чтении и изучении Библии необходимо исходить не из “повествуемого времени”, а из “времени повествования”, т. е. сочинения или даже написания “протографа” — исходных текстов оригинала. Самый оригинал, написанный рукою сочинителя (автограф), к нам не дошел, и тем не менее у нас есть достаточно достоверная основа для его реконструкции.

— *На каком языке надежнее читать Библию?*

— При всей заботливой точности списков и переводов предпочтительно иметь дело с критическими изданиями библейских текстов на языке оригинала.

Ведь не только абстрактные категории, но даже названия предметов не всегда досконально известны и понятны нам. Они меняются со временем. Некоторые языки переводов весьма далеки географически и исторически, а потому и психологически, от языка оригинала — т. е. от библейско-еврейского языка. То, как представляли себе Бога евреи — в разное время, в течение сотен лет — отличается от представлений греков, религиозные взгляды которых также менялись со временем. Многие слова даже русского перевода Библии еще сохранились в обиходе, однако означают они нечто другое — например, слово “живот” означало не ‘брюхо’, а ‘жизнь’. Вот почему возникла *экзегетика* Библии. Сейчас имеются специальные словари, разного рода лингвистические исследования, справочники по библеистике. Раньше умение читать по-гречески и по-латыни приобретали уже в гимназиях, а в некоторых из них — именно ради Библии — преподавали и еврейский язык. Теперь такая подготовка редкость. Она сулит ученикам классической гимназии известные преимущества, если они займутся Библией, историей религий и церковью — кстати, и историей искусств и литературы. Во многих музеях демонстрируются иконы, статуи, картины на библейские сюжеты; чтобы понять их содержание и смысл, необходимо основательное знакомство с Библией. Сейчас этого легче достигнуть, чем лет сто или даже пятьдесят тому назад. Надо лишь захотеть.

— *Где, когда и у кого вы учились?*

— В Тартуском университете, где я учился в 1937–1941 годах, у меня были выдающиеся учителя. По части фольклористики это был один из основоположников сказковедения, т. е. учения о сказке, — профессор Вальтер Андерсон (1885–1962). Кстати сказать, Андерсон родился в Минске: его отец стал профессором в Казанском университете и перебрался со своими двумя сыновьями в Казань. Когда возникла Эстонская республика, люди, которые имели эстонское про-

исхождение, получили право “оптироваться”, т. е. вернуться на свою историческую родину; советская власть это тогда разрешала. Таким образом Андерсон был приглашен в Тартуский университет и образовал там кафедру фольклора. Он знал порядка сорока языков и, например, преподавал также итальянский, читал со студентами Данте. Знал арабский — в Казанском университете это легко было изучить, — тюркские языки, финно-угорские, германские, всю группу романских... В 1939 году по договору Гитлера и Сталина лица немецкого происхождения должны были убраться из Эстонии; Андерсон отправился в Германию — сначала в Кенигсберг, а затем, после того как при наступлении Красной армии сгорела вся его библиотека, с семьей добрался до Киля, где стал профессором. Между прочим, Андерсон придумал любопытную методику изучения рецепции, механизма изменения фольклорных сюжетов при передаче из уст в уста. Он посещал школы и подсказывал ученикам первые строки какого-нибудь известного стишка, а затем собирал и сравнивал их версии. Такими экспериментами, кстати, могли бы заниматься уже гимназисты.

Второй выдающийся ученый, у которого мне повезло учиться, — Уку Масинг (1909–1985), востоковед и библеист. Это два главных моих учителя; был и ряд других, также достаточно серьезных специалистов по разным дисциплинам. Таким образом я стал последователем определенных направлений в науке; эти направления я стремился развивать дальше, на уровне сегодняшнего времени, и в конце концов мне удалось внедрить эти методы и здесь. Академия наук Таджикистана, а несколько лет спустя и Академия наук Армении пригласили меня организовывать в этих тогда еще советских республиках фольклористику. Для этих академий я создавал систему и методику классификации фольклорного материала, воспитывал национальные кадры. Смысл этой деятельности был в том, чтобы развивать науку, — ради чего, собственно, я и остался в СССР. Содействие развитию науки нужно там, где она находится на низком уровне; там я и постарался приложить свои силы, чтобы двинуть науку дальше. Вопреки довольно тяжким условиям, в которые были поставлены в этой стране занятия библеистикой, да и сравнительной фольклористикой, я старался поддерживать уровень, заданный моими учителями, и знакомить людей с передовыми методами науки.

С И. Г. Левиным беседовала
выпускница 1999 г. Наталья Евсеенко
Фото: П. А. Герм

Der Deutschclub — noch immer lebendig

Es ist schon beinahe anderthalb Jahre her, daß unser Deutschclub gegründet wurde, aber nichts desto trotz sind wir immer noch zusammen. Einiges hat sich verändert: Seit vergangenem Dezember konzentrieren wir uns auf unseren Film, der jetzt schon beinahe fertig ist.

Zunächst hatten wir viele Zweifel am Erfolg dieses Film. Das größte Problem war: Welches Sujet sollten wir denn verfilmen? Wir entschieden uns gegen eine bloße Dokumentation des Schullebens, dachten an einen Spielfilm nach einer Erzählung Heinrich Bölls, die sich aber doch als zu schwierig herausstellte. Seine Geschichten waren uns zu ernst und zu kompliziert für eine Verfilmung. Wir wollten unbedingt eine Komödie drehen, gleichzeitig sollte der Film auch etwas zum Rätseln haben. An dieser Stelle sprechen wir Miriam unseren Dank aus, die uns irgendeine Geschichte von einem neueren deutschsprachigen Schriftsteller mitbrachte. Sie machte den Vorschlag, die Geschichte erst mal nicht zuende zu lesen, sondern selber einer auszudenken. Wir haben eine Menge unterschiedlichster Ideen gefunden, und es war nicht leicht, sich darüber zu einigen, wie die Geschichte weitergehen könnte. Trotzdem war nach etwas mehr als einer Woche das Drehbuch fertig. Die Quelle — Peter Bichsels Erzählung *San Salvador* — ist kaum mehr erkennbar. Jetzt konnten wir Kostüme und Requisiten besprechen und alles vorbereiten. Tatjana Alexandrovna brachte ihre Videocamera mit und die Hauptarbeit konnte beginnen. Wir trafen uns nicht nur jeden Freitagnachmittag sondern z.B. auch während der Feiertage um Neujahr. Inzwischen haben wir beinahe alle Sequenzen gedreht — jetzt stellt uns der Frühling vor ein Problem, der Schnee ist getaut und den bräuchten wir als Kulisse für den Traum vom paradiesischen “San Salvador” am Äquator.

Jetzt ist unser Film unvollendet und wirklich eine Komödie, weil er den ganzen Prozess der Dreharbeiten zeigt, und die waren sehr lustig. Noch fehlt dem Film der endgültige Titel, vielleicht sollten wir den Film “Wie wir einen Film drehten” nennen.

Wir hoffen, daß es uns gelingt, nach den Prüfungen die Filmпремиere zu machen, dazu sind dann alle eingeladen!

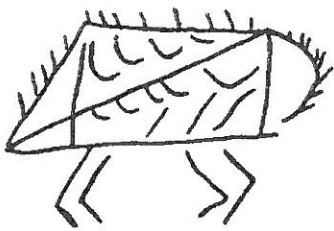
Der Deutschclub:

Tatjana Orestova, Miriam Schmidt-Thomé, Kirill Ivanov, Ksenija Schestakova, Vera Dron, Ekaterina Lyssenko (Verfasserin), Fedja Jesipovich (Co-Verfasser)

Некоторые сведения о государстве кис

История кис

500 тысячелетий назад на земле существовало государство кис. Но на кошек его жители не были похожи. Выглядели они так. Наверху у кисы была большая па-

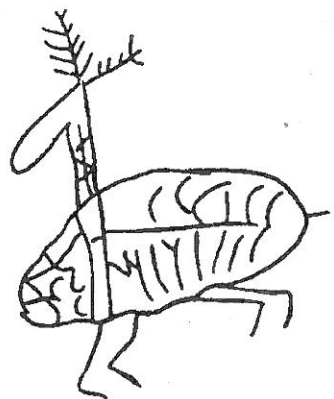
раллелепипедообразная голова с усиками вместо глаз, носа, ушей. В центре находился рот. Оттуда киса высовывала длинный и тонкий язык, чтобы хватать бабочек, муравьев, комаров, пчел и ос. Под головой у кис находилось брюшко. А под ним — живот с 248 ногами.

Кисы выращивали огороды, коров, коз, свиней. Строили города. Избирали правителя своей демократической страны. Так продолжалось до тех пор, пока при правительнице Йоханнесе VII не началась эпиде-

мия болезни *кулом*, неизвестной врачам страны кис. Она передавалась через воздух и при любом касании. Микробы были крайне выносливыми. От этой болезни правая часть головы становилась на место центральной, центральная — на место левой, а левая перемещалась еще левей. Смерть наступала

неизбежно. Умерла и Йоханнеса VII. Из 80 млрд. жителей страны уцелели 264.

Они-то и отправились за Вру-Брудерзский хребет в долину реки Лего. Там был основан новый Город кис. С течением столетий они восстановили свою культуру и даже свою численность, но изменили внешний вид — стали в 19 раз меньше.

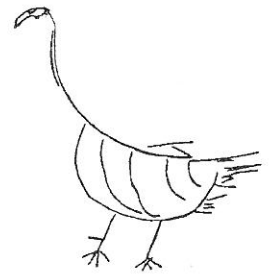
Искусство кис

Роспись горшков

Во времена Валу-Балу III Великой жил расписчик горшков Феликсид Мор. У него было много последователей. Но после развития прогресса это искусство пришло в упадок.

Картины

Кисы рисовали зарисовки полей, охоты, огородов. Постепенно эти карты усложнились и превратились в настоящие картины. При Вале-Бале V кисы открыли путь к землям, богатым персиками, ананасами, морковкой, картошкой, бабочками. Побывавшие там кисы были поражены этой местностью.

Правительница Астафия после захвата власти велела написать себе картину, как будто она — богиня. Эта привычка была у всех царей, до Муканары III, которая, вступая на трон, провозгласила, что отказывается от божественных почестей.

Поэзия

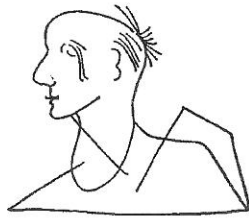
Вот образец поэзии *Раннего царства кис*. Автор стихов — поэт Мукия Феликс III.

*Шла однажды
Киса, что горшки
Поделать любит.
Шла и видит — перед ней
Сорок стоит цеголей.
Стоит сорок —
и кричат:*

*“Что же ты не смотришь близко,
Как красиво одеты мы?”*

Или, может, преступленьем
 Глаз отняли у тебя?
 Или ты небось с рожденья
 Зренья вовсе лишена,
 И одежды не заметит,
 И красивой не заметит,
 Ох, усталый глазик твой?
 “Нет, — промолвила она, —
 Красота здесь не видна,
 Потому ее не знаю я...”
 “Ах, окаянная! Мы убьем тебя!”
 И долго бились киса и щеголи,
 И все погибли — киса и щеголи.

Вершиной поэзии Позднего царства кис является творчество выдающегося стихотворца по имени Дзенок, чей эпос “Мондинская война” впервые был опубликован в третьем году правления царя Феликса.*

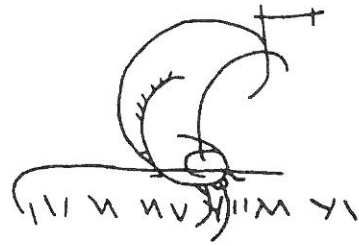
Феликс-царь в бой пошел,
 В бой с Мондинией пошел,
 Тут же город запылал,
 Да, мондинский запылал.
 Но мондинцы — тысяч сорок —
 В бой на Феликса пошли...
 Артиллерия ударит,
 Ядра в небо полетят,

И тотчас помчались дале
 Триста сорок жеребят.
 Пушки пулями стреляют
 И мондинцев поражают.
 Трупов много собралось —
 И мондинцы уж не горды
 И в лишениях нетверды.
 К Феликсу послы пришли

И кричат послы царю:
 — Ты прости, что воевали,
 Старой дружбе не внимали!
 Феликс добрый их простил,
 Но просто так не отпустил
 И взял Мондинии одну восьмую...

 И Феликс далее ушел
 И умер скоро.

Торговля у кис

В раннюю эпоху кисы были закрыты и ни с кем не торговали. Позже кисы открыли торговый путь к озеру Духов. Вала-Бала X послала туда 500 верблюдов с кисами и слонами. Через 28 лет они вышли в Мондинию. Страна была горной, но в центре ее проходила долина с чересчур плодородной почвой. Там росли и жили: персики, абрикосы, мандарины, морковка, огурцы, горох, газели, слоны, лани, мухи, козы, комары, бабочки, сурки, хорьки, ананасы, клюква, малина, земляника, черника, олени, лани, чай, слепни и шмели.

Но лишь при Феликсе I, завоевавшем север этой страны, торговля стала регулярной. Также кисы торговали и с долиной Мичимучи.

(продолжение “Кратких сведений” следует)

Рисунки неизвестных художников I в. н. э.
 из Помпей (CIL 4, Suppl. 2–3)

* К сожалению, объем журнала заставляет нас ограничиться фрагментом поэмы. Ex ungue leonem. — Ред.

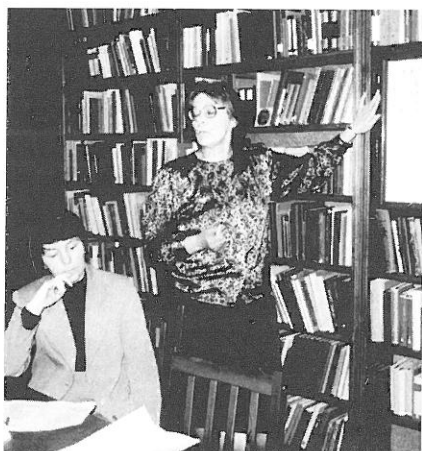
Древние языки в современной школе

С 22 по 24 апреля 2000 г. в Санкт-Петербургской классической гимназии прошла международная научно-педагогическая конференция «Десять лет возрожденного классического образования в России». Ее проведение, приуроченное к юбилейному году гимназии, стало возможным благодаря поддержке Петербургского отделения Института «Открытое общество». На конференции прозвучали 17 докладов университетских и школьных преподавателей, а также научных и музейных работников из России, Латвии, Украины и Голландии.

Темы, затронутые в этих выступлениях, можно разделить на несколько групп. Ряд сообщений был так или иначе связан с Санкт-Петербургской классической гимназией и ее местом в современной системе школьного образования. Директор гимназии *С. В. Бурачко*, открывший конференцию, проследил этапы развития школы за прошедшие десять лет, отметив как успехи, так и проблемы, с которыми ей приходится сталкиваться. *А. К. Гаврилов* рассказал о сотрудничестве гимназии и Античного кабинета (*Bibliotheca classica Petropolitana*). Без этого уникального книжного собрания уже непредставима ежедневная работа гимназических преподавателей древних языков; кроме того, Античный кабинет курирует школьный научный кружок и поддерживает летние поездки учащихся на раскопки. Выступление давнего друга гимназии *А. ван Хоффа* носило название «The Gymnasium — a European School»; голландский профессор, деятельный пропагандист идеалов классического образования, поделился опытом общения с преподавателями и учащимися возрожденных классических школ в странах восточной Европы. *Г. М. Николаенко*, заместитель директора Херсонесского национального заповедника в Севастополе, уже не одно десятилетие поддерживает летнюю археолого-эпиграфическую практику студентов Петербургского университета, а теперь и гимназистов; участвуя в раскопках, они получают возможность непосредственного знакомства с памятниками античности. Доклад, сопровождавшийся демонстрацией слайдов, был посвящен истории и современной работе заповедника.

Часть выступавших использовала трибуну конференции, чтобы обсудить актуальные проблемы изучения древних языков в средней и высшей школе. *Е. Л. Ермолаева*, с первых лет существования Санкт-Петербургской классической гимназии преподающая в ней греческий язык, рассказала о результатах и перспективах этой работы, познакомила гостей конференции с учебными пособиями, подготовленными и выпущенными в гимназии. Как отметила докладчица, в старших классах многие ученики, уже избравшие будущую специальность — особенно если она техническая, — внушают себе мысль, что греческий им не нужен. Такой узкий прагматизм вредит делу во всех отношениях; одним из способов борьбы с ним мог бы стать концептуальный принцип отбора изучаемых текстов, при котором читаются отрывки из разных авторов, объединенные общей проблематикой (напр., источники по истории античного образования; параллельное чтение пассажей Геродота и Фукидида, сопровождаемое их сопоставительной характеристикой; и др.). Кроме того, *Е. Л. Ермолаева* предложила шире использовать на уроках не только художественные, но также естественнонаучные, математические и технические тексты — поучительным примером такого отбора может служить *Griechisches Lesebuch* Виламовица. *В. П. Казанскене* («Аналитический метод в преподавании древних языков») с помощью ряда примеров показала, как умело дозированные сведения из области исторической грамматики и сравнительного языкознания способны помочь гимназистам лучше усвоить греческую морфологию и лексику. Знакомство с фонетическими процессами, историей слов, индоевропейскими параллелями делает близким и понятным то, что без обращения к диахроническому аспекту выглядит набором иррациональных исключений, преодолеваемых только зубрежкой.

М. М. Позднев, уже несколько лет ведущий занятия в гимназическом кружке живой латыни, обратился к собравшимся с энергичной латинской речью «De Latinitate viva ratione tradita». Докладчик призвал школьных учителей латыни систематически предлагать ученикам переводы с русского и творческие задания по составлению оригинальных латинских текстов, а также использовать на уроках

элементы разговорной речи; такой подход не только оживляет учебный процесс, но способствует формированию сознательного отношения к словоупотреблению и стилистике читаемых авторов. Более общие педагогические вопросы были затронуты в выступлении научного сотрудника Российской академии образования *С. Г. Смирнова* (Москва) “Соотношение наследия Рима и Эллады в программах современных гимназий: диалог двух культур”. Проф. *Ю. В. Шанин*, заведующий кафедрой Украинского национального медицинского университета, говорил о специфике изучения латыни в Киевском медицинском лицее; выступавший живо и остроумно продемонстрировал, как этимология и история многих медицинских терминов дает возможность рассказать ученикам об античной мифологии, истории и культуре. Выступление проф. *Т. Г. Мальчуковой*, создателя и руководителя кафедры классической филологии Петрозаводского государственного университета, стало своеобразным отчетом о пятилетней работе кафедры.

Сразу несколько докладчиков обратились к истории преподавания латыни и древнегреческого в России и за ее пределами. Названия сообщений *Е. Ю. Басаргиной* “Реформа 1871 года и проблема подготовки преподавателей древних языков”, проф. *И. В. Кемере* (Рига) “Из истории классического образования в Латвии”, *А. И. Любжита* (Москва) “Преподавание древних языков в Вольном Благородном пансионе при Императорском Московском университете”, *С. Н. Максимовой* (г. Глазов, Удмуртия) “Основные направления в развитии методов преподавания древних языков в конце XIX — начале XX века” говорят сами за себя. *А. И. Рубан* в докладе, озаглавленном “Проблема подстрочников и «ключей» при чтении древних авторов”, проследил обсуждение этого и поныне актуального вопроса в русской дореволюционной педагогической прессе. Как представляется, обобщенный докладчиком опыт свидетельствует, что в деле “борьбы с подстрочниками” публикация и распространение комментированных школьных изданий древних авторов неизмеримо более эффективны, чем запретительные меры.

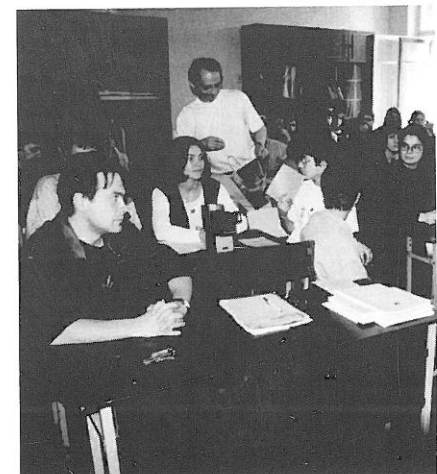
Образам преподавателей древних языков в литературе XVIII–XX вв. посвятил свое выступление заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ проф. *В. С. Дуров* (“Русские писатели о латинистах”). Неудивительно, что этот доклад вызвал оживленную дискуссию; в самом деле, бессмертный литературный тип “человека в футляре” и поныне влияет на отношение общества к школьному преподаванию древних языков. В ходе обсуждения была подчеркнута важная закономерность: с одной стороны, детские впечатления о гимназической латыни сыграли важную роль при формировании позиции авторов XIX — начала XX в. в многочисленных дискуссиях о судьбе и задачах классического образования. С другой стороны, существует, по-видимому, и обратная зависимость: записывая в зрелом возрасте свои воспоминания, русские писатели вольно или невольно рассматривали образ латиниста сквозь призму своих общих педагогических взглядов, придавая ему то апологетические, то, напротив, карикатурные и даже зловещие черты. *В. В. Зельченко* (“Русские поэты начала XX века и античность: текстологические заметки”) предложил ряд конъектур к стихотворениям и критическим статьям поэтов “серебряного века”; во всех случаях причиной искажения текста явились те или иные античные реалии, не распознанные или неправильно истолкованные современными публикаторами. Докладчик также предложил использовать текстологические задачки (на более близком учащимся материале русской литературы) для формирования навыка медленного и вдумчивого “филологического” чтения, который необходим при изучении как древних, так и новых авторов.

Конференцию завершил круглый стол, посвященный проблемам и перспективам классического образования в российской средней школе.

В рамках культурной программы конференции прозвучала латинская кантата, исполненная учениками гимназии (автор текста М. М. Позднев, композитор Е. В. Петров). Участники и гости конференции стали зрителями двух спектаклей гимназической театральной студии, руководимой Е. В. Вензель и Е. Н. Грачевой: “Книга о Ксанфе-философе и Эзопе, его рабе” и “Mimēnus” (подробнее об этих постановках см. настоящий и предыдущий выпуски “Абариса” resp.).

В заключение собравшиеся приняли резолюцию, самый важный пункт которой мы позволим себе процитировать полностью: “Рекомендовать органам управления образованием РФ разработать и включить в перечень образовательных стандартов средней школы стандарт классического образования, узаконив тем самым существование классических гимназий”.

О. В. Бударагина, В. В. Зельченко
Фото: *И. О. Гальнина*

ΚΟΝΚΟΥΡΣ ΠΕΡΕΒΟΔΟΥ

Αρχιλοχ

ΣΤΙΧΙ Ο ΣΟΛΝΕΧΝΟΜ ΖΑΤΜΕΝΙΙ (fr. 74 Diehl³)

Χρημάτων ἄελπτον οὐδέν ἐστιν οὐδ' ἀπώμοτον
οὐδέ θαυμάσιον, ἐπειδὴ Ζεὺς πατὴρ Ὀλυμπίων
ἐκ μεσαμβρίας ἔθηκε νύκτ', ἀποκρύψας φάος
ἡλίου λάμποντος· ὕγρον δ' ἦλθ' ἐπ' ἀνθρώπους δέος.
ἐκ δὲ τοῦ καὶ πιστὰ πάντα κἀπίελπτα γίγνεται
ἀνδράσιν· μηδεὶς ἔθ' ὕμέων εἰσορῶν θαυμαζέτω,
μηδ' ἐὰν δελφῖσι θῆρες ἀνταμείψωνται νομὸν
ἐνάλιον καὶ σφιν θαλάσσης ἠχέεντα κύματα
φίλτερ' ἠπεύρου γένηται, τοῖσι δ' ὑλήειν ὄρος.

Что еще чудней быть может? Кто возьмется отрицать
Что-нибудь, когда родитель олимпийцев, мудрый Зевс,
Ночь наслал в палящий полдень, солнца свет от нас сокрыв?
Страх облил холодным потом всех людей. И с этих пор
Можно все принять на веру, не упорствуя ни в чем.
Пусть никто из вас не будет удивлен, увидев вдруг,
Что меняются местами жители земель и вод
И дельфины уступили волны шумные зверям,
Отыскав себе жилище на лесистых склонах гор.

Перевод Сергея Мисенко,
10 класс

Никогда не зарекайся, клятв напрасных не давай,
Знай, что может все случиться, может все произойти,
Раз уж Зевс, богов родитель, полдень в полночь превратил.
Влагой лбы людей покрылись, ужас их сердца сковал,
И теперь любое чудо невозможным счесть нельзя:
Если звери устремятся жить в пучину синих волн,
А дельфины путь направят в сень лесов, к вершинам гор,
Станет им милее суша, зверю домом — гладь морей, —
Ничему не удивляйся, все как должное прими.

Перевод Саши Лебедевой и Кати Лысенко,
11 класс

Фото: П. А. Герм

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ В ПЕТЕРБУРГЕ

“Абарис” начинает новую рубрику, посвященную латинским надписям нашего города. Благодарим всех, кто принял участие в гимназическом конкурсе и помог нам собирать надписи. Победителем конкурса стал Глеб Богатский (8 класс). Особую благодарность редакция выражает Татьяне Владимировне Шабуриной, указавшей несколько надписей на Васильевском острове.

1. PETRO PRIMO CATHARINA SECUNDA MDCCLXXXII (“Петру Первому — Екатерина Вторая. 1782”). Надпись на Гром-камне — постаменте Медного всадника. Текст принадлежит автору памятника, Э. М. Фальконе, который отверг ряд более пространных версий в пользу лаконичной формулы.

2. DOMUS MEA DOMUS ORATIONIS EST. [M]ATH: XXI CAP. ANNO DOMINI MDCCLXXXII. DIE (“Храм мой храм молитвы наречется. Мф. 21. Лето Господне 1782”). Надпись над входом в костел св. Екатерины: Невский пр., 32/34. Первая часть надписи представляет собой цитату из Евангелия от Матфея, 21:13. Те же слова по-церковнославянски читаются на южном фасаде Исаакиевского собора.

3. SPE FRETUS (“Полагаясь на надежду”). Надпись на памятнике, воздвигнутом в честь столетнего юбилея И. Ф. Крузенштерна (1770–1846) на набережной Лейтенанта Шмидта; скульптор И. Н. Шредер, пьедестал по рисунку И. А. Манигетти. Корабль, на котором Крузенштерн в 1803–1806 гг. первым из русских мореплавателей совершил кругосветную экспедицию, назывался “Надежда”.

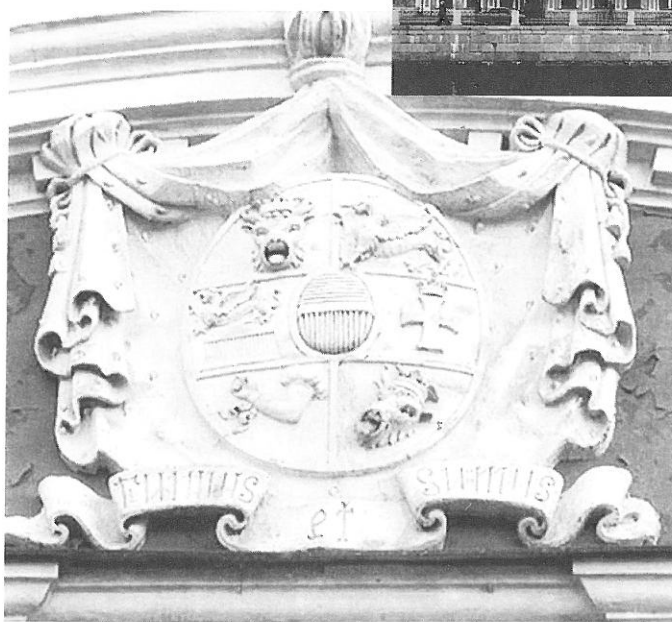
4. SALVE (“Здравствуй!”). Надпись на лестничной площадке Детской библиотеки им. Н. А. Островского, Съездовская линия, 21. Ранее дом, построенный в конце XVIII в., принадлежал архитектору А. П. Брюллову. В начале XX в. в этом здании находился Музей старого Петербурга. Латинская надпись набрана из кусочков черного мрамора. Главный зал особняка носил название Помпейского; во дворе до недавнего времени находилась терракотовая статуя Аполлона Мусагета. Такая же надпись читается на фасаде дома 26 по Большой Пушкарской ул. (на снимке), на Большой Подъяческой ул., 8 и на полу в подъезде дома 47 по ул. Восстания (надпись наполовину стерта).

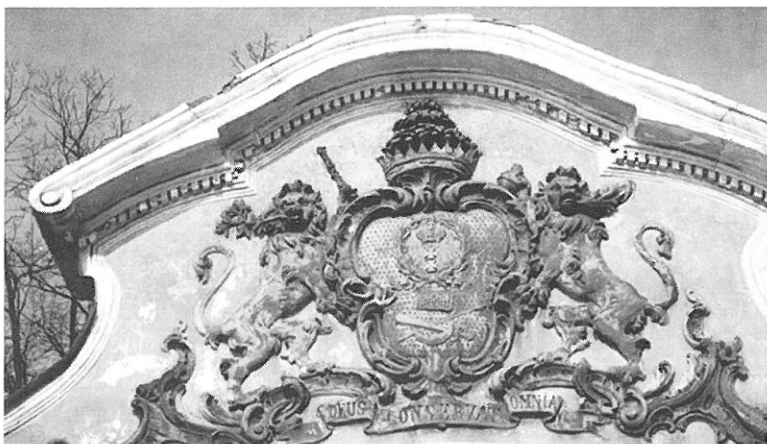
5. FUIVUS ET SUMUS (“Мы были и есть”). Надпись на фронтоне особняка графини Н. В. Карловой, наб. Фонтанки, 46 (ныне Городская библиотека им. В. В. Маяковского). Латинская фраза, горделиво полемизирующая с “Fuius Troes” Вергилия (*Aen.* II, 325), представляет собой фамильный девиз супруга графини, герцога Мекленбург-Стрелицкого.

6. NON SCHOLAE, SED VITAE (“Не для школы, а для жизни”). Надпись на здании школы № 232, д. 15 по набережной Крюкова канала. Начало известного афоризма “Non scholae, sed vitae discimus”, представляющего собой перифразу Сенеки (*Epist.* 106, 12). С середины XIX в. в здании размещалась гимназия Императорского человеколюбивого общества.

7. DEUS CONSERVAT OMNIA (“Бог сохраняет все”). Надпись на боковой ограде Шереметевского дворца (Фонтанного дома), наб. Фонтанки, 34. Фамильный девиз Шереметевых. Эти слова взяты эпитафием к “Поэме без героя” А. А. Ахматовой, которая много лет прожила во флигеле Фонтанного дома.

8. ORA ET LABORA (“Молись и трудись”). Надпись на фасаде аптеки Пеля, 7 линия, 16–18. Девиз Бенедикта Нурсийского, основателя монашеского ордена бенедиктинцев (VI в.). А. В. Пель — известный фармацевт начала XX в., разработавший рецептуру многих лекарственных препаратов, которые с успехом продолжают применяться до сих пор. В аптеке Пеля часто бывал Д. И. Менделеев.

9. LABORE ET SCIENTIA, ARTE ET HUMANITATE (“Трудом и знанием, искусством и человечностью”). Надпись на фасаде Военно-медицинской академии, ул. Академика Лебедева, 6.

10. Мы рады, что вы не обошли вниманием и надпись над входом в нашу гимназию:

Gymnasium Classicum
PETROPOLITANUM
MCMXXCIX
UNIVERSITAS LITTERARUM

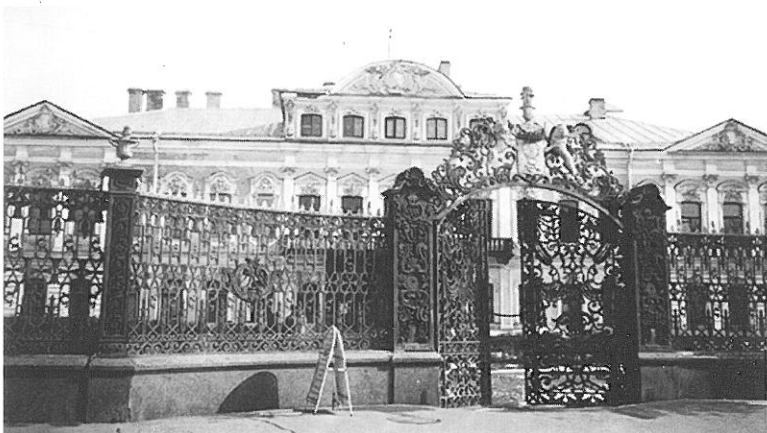

Фото: П. А. Герм,
О. В. Бударагина

ДОКЛАДЫ КРУЖКА “КЛАССИКА”

Аня Андреева, Катя Волкова, Лиза Дмитриева

10 класс

Первая Санкт-Петербургская ГИМНАЗИЯ

Первая Санкт-Петербургская гимназия размещалась в здании на углу Ивановской и Кабинетской улиц. После революции не только гимназия сменила статус, превратившись в советскую школу (сейчас ее номер — 321),¹ но и улицы поменяли свое название. Ивановская, названная по церкви Иоанна Предтечи, стала Социалистической; Кабинетная улица, получившая свое имя по жившим на ней служителям “Кабинета его императорского величества”, который ведал имуществом царского двора, была переименована в улицу Правды: здесь находилась типография, напечатавшая первый номер большевистской газеты.

Здание Первой гимназии, построенное в 1820–1823 гг., было расширено в 1837–1839 гг. А. В. Кокоревым по проекту молодого Н. Л. Бенуа. В 1893–1894 гг. Н. Н. Никонов осуществил новое расширение; наконец, в 1914–1915 гг. при гимназии был создан спортивный комплекс с первым в России крытым плавательным бассейном (арх. Л. П. Шишко).

Предшественником Первой гимназии был Благородный пансион, основанный в 1817 г. при Главном педагогическом институте. Через два года институт был преобразован в Санкт-Петербургский университет, и Благородный пансион² стал относиться к университету. В таком виде он сохранялся вплоть до 1830 г. — года основания Первой Санкт-Петербургской гимназии.

Одним из инициаторов создания Благородного пансиона был попечитель Санкт-Петербургского учебного округа граф С. С. Уваров, являвшийся непосредственным куратором нового учебного заведения с момента его основания. Уварова справедливо называют “архитектором классического образования” в России, так как именно при нем было усилено преподавание древних языков и литературы в средней школе.

Благородный пансион был закрытым привилегированным учебным заведением. В нем учились только мальчики, исключительно дети дворян (отсюда и

название). В пансион принимали детей от 7 до 17 лет; обучение продолжалось в течение шести лет, каждый курс длился одиннадцать месяцев — с августа по июль. Нумерация классов была обратной: самые старшие воспитанники составляли первый класс, а самые младшие — шестой.

Воспитанники Благородного пансиона получали разностороннее общее образование, фактически он был приравнен к высшему учебному заведению. Учителями в пансионе становились профессора и преподаватели Главного педагогического института (позднее Университета), выпускники и профессора Царско-сельского лицея.

Едва ли не главными предметами в пансионе были философия и право. Право читал А. П. Куницын, профессор Царскосельского лицея, у которого учился Пушкин. Воспитанники изучали пять языков: греческий, латинский, русский, немецкий и французский; английский был необязательным предметом. Древние языки в Благородном пансионе, а позже в гимназии (до 1848 г.) преподавал выпускник Главного педагогического института, адъюнкт-профессор Петербургского университета Д. П. Попов (автор курьезного прозаического перевода “Одиссеи”, перенасыщенного буквализмами); учителями немецкого, французского и английского языков были иностранцы.

Российскую словесность пансионерам преподавал лицейский друг Пушкина В. К. Кюхельбекер — поэт, литератор, будущий декабрист. Кюхельбекер пользовался особым уважением воспитанников, среди которых были братья Тютчевы, М. И. Глинка, брат Пушкина Лев Сергеевич (последнего, впрочем, отчислили до окончания курса). Когда в 1821 г. Кюхельбекер покинул Благородный пансион, воспитанники в знак протеста подняли на уроке “бунт”. В письме к матери Кюхельбекер писал: “Сегодня вечером приходили ко мне прощаться трое моих учеников. <...> Добрые дети растрогали меня: представьте, они отрезали на память мои волосы...”

Помимо гуманитарных дисциплин, в пансионе изучали математику, географию, естественные и военные науки. Пансионеры очень любили К. А. Шелейховского, учителя математики в старших классах, выпускника Главного педагогического института. Естественные науки преподавали университетские профессора Н. П. Щеглов, М. Ф. Соловьев, А. Г. Зембицкий. Географию и статистику читал К. И. Арсеньев — будущий участник комиссии Сперанского по составлению свода российских законов и учитель Александра II. Он же вел курс древней истории; с историей средних веков пансионеров знакомил С. В. Соловьев, а с новой историей — Т. О. Рогов. Стоит отметить, что многие из этих преподавателей не только были оригинальными учеными, но и оставили след в истории педагогики: и “Краткая всеобщая география” Арсеньева, и “Руководство к физике” Щеглова до середины XIX в. оставались самыми популярными школьными учебниками по этим дисциплинам. Важными предметами в Благородном пансионе были фехтование, танцы, пение; за особую плату воспитанники могли заниматься музыкой.

В конце каждого года устраивался переводной экзамен в следующий класс. Отсев учащихся был довольно значительным: в первый год, например, поступило 49 человек, из них окончили полный курс только восемь. Всего в пансионе в течение семнадцати лет воспитывался 431 ученик, и только 158, т. е. каждый четвертый, закончили его.

Плата за обучение и полное содержание в пансионе составляла полторы тысячи рублей в год — по тем временам огромная сумма (для сравнения: в те же годы ученики уездных училищ платили десять рублей в год, а приходящие ученики гимназий — пятнадцать). Порядки в Благородном пансионе были строги:

если воспитанник выбывал из пансиона, то вторично уже не принимался и уплаченная сумма родителям не возвращалась.

День воспитанников, находившихся под постоянным контролем надзирателей, был подчинен расписанию, которое выполнялось по звонку. Расписание это было следующим. Подъем — в половине шестого летом и в шесть зимой. Когда раздавался первый звонок, служители, как записано в правилах, *осторожно* будили детей; по второму звонку воспитанники надевали чулки, сапоги и халаты; по третьему в два ряда шли в одевальную комнату. Там у каждого пансионера был свой шкаф под номером, возле которого он должен быть встать и ожидать сигнала: “С первым звонком воспитанники подходят к умывальникам и, *наблюдая молчание*, начинают умываться; по второму звонку идут к скамьям, садятся и одеваются, *наблюдая молчание*”. По будням воспитанники носили классную форму — двубортный сюртук с красным воротником, темной выпушкой и позолоченными пуговицами, а по особым дням надевали парадную — синий мундир с красным воротником, черной опушкой и петлицами золотого галуна и синюю с красным околышем и черным лакированным козырьком фуражку. Когда все были одеты, раздавался третий звонок, и воспитанники по двое в ряд шли в сборную комнату. Далее следовали молитва и скромный завтрак — чай или молоко с хлебом.

С семи до восьми готовили домашнее задание, а затем начинались уроки. Каждый урок продолжался два часа с двумя короткими перерывами: два урока до обеда и один после обеда. Обед, начинавшийся

в полдень, состоял из трех блюд; в праздничные дни прибавлялось еще одно блюдо, в дни страстной недели соблюдался пост. Во время еды специальный служитель читал исторические книги или описания путешествий. За обедом запрещалось ссужать друг друга тарелками, хлебом или брать что-либо со стола в карманы. Нарушитель порядка тотчас высылался из-за стола и оставался *свидетелем* обеда, стоя у стены.

С 13 до 14 часов воспитанники отдыхали, после чего возвращались в класс на урок. Плотный учеб-

ный график не исключал отдыха и прогулок: им отводилось два часа с 16 до 18. В это время пансионеры любили играть в кегли или в мяч. После прогулки два часа готовились к урокам; в восемь часов был ужин, с девяти до десяти — отдых и молитва. Спать ложились довольно рано, в десять; воспитанникам старших классов разрешалось ложиться на полчаса позже. Размещались пансионеры по возрасту, в комнатах по 15 человек. Всю ночь в спальнях горела лампа и дежурили служители, сменявшие друг друга каждые три часа.

На время свободных дней и каникул родители могли брать пансионеров домой. Тех воспитанников, которые не уезжали к родителям, по воскресеньям и по праздникам опекали надзиратели, а летом для них нанималась дача.

Из стен Благородного пансиона вышло немало достойных людей. Пожалуй, самый знаменитый из них — уже упоминавшийся М. И. Глинка, который еще в годы учебы много времени уделял музыке. В пансионе Глинка подружился с С. А. Соболевским, впоследствии видным библиофилом, литератором, автором широко ходивших эпиграмм. Его соучениками были также А. Я. Римский-Корсаков (псевдоним А. Корсак) — поэт, на слова которого Глинка написал несколько романсов; Н. А. Мельгунов — прозаик, переводчик, музыкальный критик (по болезни он не закончил пансионного курса); Н. А. Маркевич — поэт, этнограф и историк Украины; близкий друг Пушкина П. В. Нащокин. Известные в 1830–1860-е гг. литераторы К. П. Масальский, А. И. Подолинский, А. Н. Струговщиков, И. И. Панаев — также воспитанники Благородного пансиона.

В 1828 г. был принят устав средних учебных заведений, согласно которому Благородные пансионы при Петербургском и Московском университетах превращались в гимназии (реформа была проведена при министре народного просвещения С. С. Уварове, и поэтому гимназии, образовавшиеся в это время, получили название “уваровских”). Гимназии по новому уставу имели по крайней мере две цели: готовить учащихся к университету и “доставлять способы приличного воспитания”. Главными предметами становились древние языки и математика; первые — “как надежнейшее основание учености и как лучший способ к возвышению и укреплению душевных сил юношей”, вторая — как способствовавшая “изощрению ясности в мыслях, их образованию, проницательности и силе размышления”. Изучение греческого языка открывало доступ в университет и, кроме того, давало привилегии при поступлении на службу.

Дата основания Первой Санкт-Петербургской гимназии — 14 мая 1830 года. Гимназия была названа Первой не по хронологии (к этому времени уже существовали Вторая и Третья гимназии), а потому, что

в ней, в отличие от других гимназий, учились только дети потомственных дворян. В этом отношении она была прямой наследницей Благородного пансиона. Только с 1860 г. в число воспитанников стали принимать лиц всех сословий. Гимназия была закрытым учебным заведением, и ее пансион до конца 1850-х гг. сохранил порядки самого строгого интерната; только в 1858 г. в гимназию были допущены приходящие ученики. С Благородным пансионом гимназию роднил и мундир (оставшийся прежним), и высокая плата за обучение. Гимназический курс был рассчитан на семь лет; в первый класс принимались ученики не моложе десяти лет, которые умели писать и знали первые правила арифметики.

Преобразование Благородного пансиона в гимназию проходило постепенно, потому что к 1830 г. в пансионе обучалось еще 150 воспитанников. Пансион и гимназия сосуществовали до 1834 г., когда последние пансионеры закончили обучение. Но даже без Благородного пансиона Первая гимназия долго не могла обрести полную самостоятельность. Начальный период ее истории был в буквальном смысле слова “переходным” — многие гимназисты переходили в другие учебные заведения до завершения курса. Непопулярность гимназии в первые годы ее существования объяснялась тем, что “благородные родители” не доверяли гимназическому образованию: оно не давало никакой специальности и поэтому казалось им бесполезным для будущей службы детей, а университетское образование еще не имело особой привлекательности. Время пребывания воспитанников в гимназии сократилось до двух-трех лет, а затем родители переводили их в кадетский или пажеский корпус, или сразу в университет. В 1834–1836 гг. выпускников в гимназии вообще не было, так как не было выпускного седьмого класса.

Делая уступки времени, гимназическое начальство понизило требования учебной программы: в жертву был принесен греческий язык, а гимназический курс сократился на один год. Между тем взгляды родителей на значение образования стали меняться, а самое главное, обнаружилось отрицательные последствия отмены греческого: во-первых, выпускники гимназии лишались возможности поступать в университет, а во-вторых, при зачислении на службу они не пользовались теми привилегиями, которые давало изучение греческого. В результате в 1838 г. второй древний язык был восстановлен в правах.

Училились гимназисты шесть дней в неделю; урок длился не два часа, как в Благородном пансионе, а полтора. В гимназии преподавали латынь (с первого класса по 4 урока в неделю, в 6–7 классах — по 3 урока), греческий (с 4 класса по 5 уроков в неделю), российскую словесность (4, затем 3 урока), французский и немецкий языки, математику (4 урока в младших и

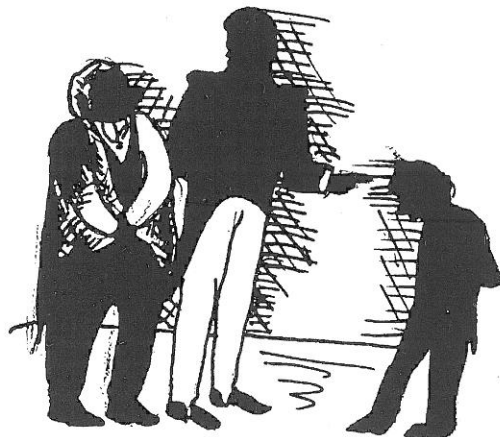
1 урок в старших классах), историю, географию, физику, закон Божий.

Преподавание греческого ограничивалось грамматикой и Гомером; круг изучаемых латинских писателей был более широк. Главное внимание обращалось на чтение авторов и *постоянный* перевод их на русский язык письменно, и в классе, и дома. В начальных классах читали Непота, Цезаря, басни Федре, затем Саллюстия, Цицерона, Вергилия, в старших классах — Ливия и Горация.

Надзиратели, или гувернеры, наблюдали фактически за каждым шагом воспитанников, следя, чтобы они были одеты по форме, острижены, вели себя чинно, правильно сидели. В гимназии были установлены дни, когда следовало говорить на иностранном языке: “французскими” днями были вторник, среда, пятница и суббота, “немецкими” — понедельник и четверг. Если воспитанник не мог подобрать нужных слов, ему следовало молчать или попросить помощи у старших. За разговоры на русском языке провинившегося заставляли переписать несколько страниц из какой-нибудь французской или немецкой книги “со старанием и без ошибок”, а затем — по усмотрению гувернера — выучить их наизусть.

В 1830-е гг. дворянская Первая гимназия пользовалась многими привилегиями: по указу Николая I окончившие курс с похвальным аттестатом поступали в университет без экзаменов, а два лучших воспитанника гимназии раз в неделю должны были являться во дворец, чтобы составлять общество наследника.

В 1833 г. Николай лично посетил гимназию. Вот как вспоминал об этом ее директор: “Государь приехал сердитый, везде ходил, обо всем спрашивал с явным намерением найти что-нибудь дурное. Ему не понравилось лицо одного из воспитанников. «Это что за чухонская рожа?» — воскликнул он, гневно глядя на него. В заключение он сказал директору: «Да, у вас все хорошо по наружности, но что за рожи у ваших воспитанников! Первая гимназия должна быть первая по всему: у них нет этой живости, этой полноты, этого благородства, каким, например, отличаются воспитанники 4-й гимназии!»”.²

Гимназия сохраняла классическое направление до пятидесятых годов XIX в. В 1849–1852 гг. в России произошли крутые и решительные перемены во взглядах на значение гимназического образования: в школьных программах греческий язык был потеснен законоведением и естественными науками. В результате из двух древних языков только латынь сохранила свои позиции, а греческий исчез из программы Первой гимназии на шестнадцать лет.

В 1851 г. в гимназию пришел один из лучших в то время преподавателей российской словесности Василий Иванович Водовозов (1825–1886). Он проработал в гимназии пятнадцать лет и, без сомнения, был душой всего учебного процесса. Русская словесность стала любимым предметом гимназистов, потому что Василий Иванович научил их “понимать привлекательную сторону умственного труда”.³ На уроках Водовозова ученики занимались русской и церковнославянской грамматикой, читали и обсуждали отечественных и зарубежных классиков. Во время занятий, посвященных всеобщей литературе, Водовозов приносил в класс соответствующие подлинники (греческие, латинские, итальянские, французские, немецкие) и с листа переводил те отрывки, с которыми хотел познакомить учеников. Гимназисты регулярно писали сочинения на заданные темы, а затем обменивались ими друг с другом, находили ошибки и неудачно выраженные мысли. Потом сочинения и замечания прочитывались вслух и разбирались вместе с учителем, который был судьей неизменно дельным, строгим и беспристрастным.

Ученики уважали Водовозова почти безгранично. В воспоминаниях одного из выпускников читаем: “Урок Василия Ивановича всегда проходил бесшумно. Не красно говорил Василий Иванович, он и «мыкал», и повторялся, и зачастую крикливо произносил: «Понимаете?», но его все как-то совестились, именно совестились, а не боялись”.⁴ Уроков Водовозов не задавал, пройденного не спрашивал, баллы ставил по необходимости.

В течение ряда лет Водовозов совмещал работу в гимназии с преподаванием в Смольном институте.⁵ В часы, свободные от занятий, Василий Иванович переводил древних авторов; в частности, он оставил русские версии одиннадцати стихотворений Катулла к Лесбии, фрагментов Анакреонта и Сапфо, отрывков из софокловского “Эдипа-царя” и полный перевод “Антигоны”.

В феврале 1865 г. в ходе ревизии обнаружилось, что многие гимназисты любят и знают наизусть стихи Некрасова. Водовозова обвинили в том, что он “заставлял учеников знакомиться со всей грязью болезненной социальной обстановки”.⁶ В следующем году Водовозов без объяснения причин был отстранен от преподавания.

В. И. Водовозов

В ноябре 1864 года увидел свет новый “Устав о гимназиях”, по которому гимназии делились на классические — с греческим и латинским языками, — и реальные, где вместо греческого языка преподавали естествознание. Временно допускалось существование третьей категории — гимназий, в которых изучалась только латынь, а греческий из-за недостатка преподавателей вводился постепенно. Первая гимназия была отнесена к этому последнему типу; в 1868 г. в ней было восстановлено преподавание греческого, не прекращавшееся до самого закрытия гимназии в 1918 г.

В 1871 г. в гимназическом образовании окончательно восторжествовали принципы “классицизма”. В результате реформы, проведенной по инициативе министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, звание гимназий удержали за собой только классические гимназии с двумя древними языками, и только их выпускникам был открыт доступ в университет. Реальные гимназии были преобразованы в реальные училища и должны были готовить юношество к практической деятельности и приобретению технических знаний.

Отличительными чертами организации гимназий, которые стали называться “толстовскими”, были грамматический метод преподавания древних языков (это

означало, что изучение грамматики проводилось через все классы до конца гимназического курса и упор был сделан на упражнения по переводу с русского языка на древние) и недопустимость никакой иной деятельности, кроме учебной. Число уроков латыни было доведено до 5–6 в неделю, а греческого — до 6–7 (что составляло 60% всего учебного времени), усилилось преподавание математики; напротив, количество занятий по русскому языку и истории сократилось. С 1875 г. курс обучения стал восьмилетним вместо семилетнего; кроме того, был учрежден специальный подготовительный класс (прогимназия). Продолжительность урока составляла теперь 1 час. Все эти преобразования в полной мере затронули и Первую гимназию.

А. Н. Краснов

В. И. Вернадский

В эти годы воспитанниками школы были многие замечательные люди. В 1870–1880 гг. здесь учились В. И. Вернадский — создатель геохимии и радиогеологии, биолог и философ, и А. Н. Краснов — известный ботаник и географ, основавший ботанический сад в Батуми. На первый взгляд кажется удивительным, что такие выдающиеся ученые-естественники вышли из стен классической гимназии, где естествознание преподавалось только в шестом классе, по два урока в неделю. Как видим, гимназия развивала интеллектуальные способности учащихся, формировала у них широкие научные и культурные интересы. Неслучайно Первую гимназию окончили также А. Н. Бекетов — ботаник, профессор и ректор Санкт-Петербургского университета, Н. Н. Петров — хирург-онколог, член-корреспондент Академии наук, зоолог Н. А. Холодковский, ботаник В. Н. Агеенко.

В 4-ом и 5-ом классах вокруг Краснова сгруппировался небольшой кружок соучеников, увлекавшихся естествознанием; в этот кружок входил и Вернадский. Гимназисты под руководством Краснова собирали коллекции и гербарии, устраивали экскурсии в окрестности Петербурга. Одно время они издавали рукописный энтомологический журнал под редакцией Краснова; там публиковались наблюдения за насе-

комыми, позже — маленькие рассказы, повести, а потом даже критические статьи, из-за которых журнал в конце концов пришлось закрыть. Вернадский вспоминал, что вместе с Красновым они часто занимались химией и ставили опыты, которые нередко кончались взрывами к ужасу домашних.⁷

Краснов окончил гимназию с золотой медалью; выпускные экзамены у Вернадского прошли, в общем, благополучно, но не без происшествий: на экзамене по математике он решил предложенную задачу тремя

способами, ни один из которых не удовлетворял требованиям учителя. Сдав последний экзамен, Вернадский и Краснов отдали дань гимназической традиции — выплыли на лодке на середину Невы и потопили в реке опостылевшие учебники.

Среди воспитанников гимназии был и А. А. Васильев (выпуск 1886 г.) — ученый, оставивший яркий след в русской и мировой византистике. Васильева по праву считают родоначальником школы византиноведения в США, куда он эмигрировал в 1925 г. Много лет он преподавал в университете в Мэдисоне и сознавался, что поначалу испытывал некоторые трудности с английским. «В связи с этим, — писал он другу, выдающемуся исследователю античности С. А. Жебелеву, — невольно вспоминаю наших учителей первой гимназии: чехов, немцев, французов, которые почти всю жизнь прожили в России и не одолели русского языка. До самой смерти Кербер (Э. Ю. Кербер, учитель греческого. — *Авт.*) говорил нам о «быстроперых орлах», о царе, который во время бегства «затворил за собою подвижку», предлагал нам заключать слова «в коврижки», разумея под коврижками кавычки. А француз Гионне, обращавшийся к ученикам на экзамене: «Ну, переводи: завтра будет твой именинник»; а немец Видеман, поучавший нас, что Шиллер «сделал Орлеанскую Девочку во время качки»...»⁸

В Первой гимназии училось немало будущих историков, филологов и литераторов: В. И. Ламан-

ский — историк-славянофил, академик, много сделавший для развития славяноведения; болгарский археолог В. Златарский; писатель В. В. Крестовский, автор романа “Петербургские трущобы”; поэт В. А. Рождественский и его одноклассник В. Я. Пропп — исследователь русского фольклора.

В начале XX в. в гимназии стали появляться педагоги-оригиналы. К примеру, в 1900-е гг. латынь преподавал В. Г. Янчевецкий, более известный под псевдонимом Ян, которым подписаны его исторические романы — “Батый”, “Чингисхан” и другие. Янчевецкий отличался беспокойным характером и неодолимой тягой к странствиям; поэтому учительство стало в его биографии лишь эпизодом, данью семейной традиции (отец Яна, филолог-классик Г. А. Янчевецкий, был директором гимназии в Ревеле и переводчиком Ксенофонта). В. Г. Янчевецкий организовал при гимназии один из первых бойскаутских отрядов, с летним лагерем в Лахте.

Некоторые ученики Янчевецкого не уступали в романтических устремлениях своему наставнику. Среди последних выпускников гимназии, учившихся в годы первой мировой войны, был Всеволод Вишневский, будущий гонитель М. А. Булгакова и автор “Оптимистической трагедии” — хрестоматийного произведения советской литературы. В пятом классе Вишневский убежал на фронт, а в 14 лет был награжден Георгиевским крестом — высшей солдатской наградой за личную храбрость.

В автобиографии, написанной в полном соответствии с требованиями новой эпохи, Вишневский без особого удовольствия вспоминал свою alma mater: “Гимназия — почтенная, старейшая, с чинностью строжайшей — пропитывала нас русским «патриотическим» духом. Ежеутренние молитвы в громадном великолепном актовом зале, со стен которого глядели на нас императоры, собирали до девятисот человек, замиравших в ровных шеренгах. Строги и застегнуты на все пуговицы педагоги. Когда пели гимн — все торжественно замирали...”⁹ Как вспоминает Вишневский, учителя его недолюбливали: “Режим нашей гимназии тяготил меня. Я постоянно был в опале. Директор фон Витнек, холодный немец с двумя парами очков, не выносил меня и постоянно делал мне замечания. В гимназии дисциплина была суровая. Отклонений не позволяли даже в мелочах; форма блюлась строго”.¹⁰

В дневниках Вишневского сохранились перечни заданных уроков. Особенно интересны записи, относящиеся к тревожной осени 1917 г. Ученикам предлагались рефераты на темы “Великая французская революция и русская революция (дать исторические параллели)”, “Эпоха Николая I — тяжкий ужас для русской мысли”, “Проблема смерти у Толстого — Великая и Неведомая”, “О нравственности и совести”.¹¹

По словам Вишневского, 16 февраля 1918 года он получил аттестат об окончании гимназии. Это был последний выпуск; гимназия просуществовала до февраля 1918 г., а затем стала называться советской школой 1-й и 2-й ступени. С этого времени ее часто переименовывали, и, наконец, в 1941 г. она получила номер 321, который сохранился до сих пор. В дни блокады эта школа, одна из немногих в городе, не прекращала работы.

¹ Истории Первой гимназии посвящены две монографии: Д. Н. Соловьев. Пятидесятилетие С.-Петербургской Первой гимназии. 1830–1880: Историческая записка. СПб., 1880; А. А. Чухман. Очерки по истории 321 средней школы. Ч. 1: Благородный пансион (1817–1829). СПб., 1999; цитаты из этих работ в дальнейшем не оговариваются. Авторы сердечно благодарят А. А. Чухмана — выпускника, преподавателя и летописца 321-й школы — за ценные консультации и помощь в работе.

² А. В. Никитенко. Дневник: В 3-х тт. Т. 1: 1826–1857. М., 1955. С. 263–264; ср. также с. 129. Никитенко записал этот рассказ со слов директора Первой гимназии П. Д. Калмыкова.

³ В. И. Семевский. Василий Иванович Водовозов: Биографический очерк. СПб., 1888. С. 35.

⁴ В. И. Водовозов в воспоминаниях В. Р. Щиглева // Русская старина. 1886. Т. 52. № 11. С. 408.

⁵ Елизавета Николаевна Водовозова — одна из смолянок-слушательниц В. И. Водовозова, ставшая затем его женой, — оставила интересные воспоминания о годах своей учебы в институте (“На заре жизни”).

⁶ В. И. Семевский. Указ. соч. С. 86.

⁷ И. И. Мочалов. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М., 1982. С. 38.

⁸ И. В. Кукулина. А. А. Васильев: “Труды и дни” ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 328.

⁹ В. В. Вишневский. Мои воспоминания (1914–1921 гг.) // Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1954. С. 650.

¹⁰ Там же. С. 649.

¹¹ Там же. С. 758–759.

Руководитель доклада — Е. Ю. Басаргина
Рисунки А. С. Пушкина и Лизы Дмитриевой

Мишель Монтень и обучение древним языкам

Мишель Монтень (Michel Montaigne) — знаменитый французский писатель и мыслитель (1533–1592) — родился неподалеку от Бордо в родовом замке Монтень, сохранившемся до наших дней. До сих пор на потолке библиотеки этого замка можно прочесть многочисленные латинские и греческие надписи, оставленные его обитателями. До шести лет мальчик получал домашнее образование, а затем обучался в Гиенском¹ коллеже Бордо, считавшемся лучшим во Франции. Как и его отец Пьер Эйкем, Монтень посвятил себя изучению права. В двадцать пять лет он стал советником парламента, а в 1581 г. мэром города Бордо, где и был по прошествии лет похоронен.

Мы предлагаем вашему вниманию несколько фрагментов из самого значительного сочинения этого философа-гуманиста — трактата “Опыты” (“Essais”). С благодарностью вспоминая детские годы, автор повествует о необычной системе обучения латинскому и древнегреческому языкам, которую придумал и осуществил его отец. Для юного Монтеня попытались восстановить исчезнувшую языковую среду и, таким образом, обучать его мертвым языкам, как живым.

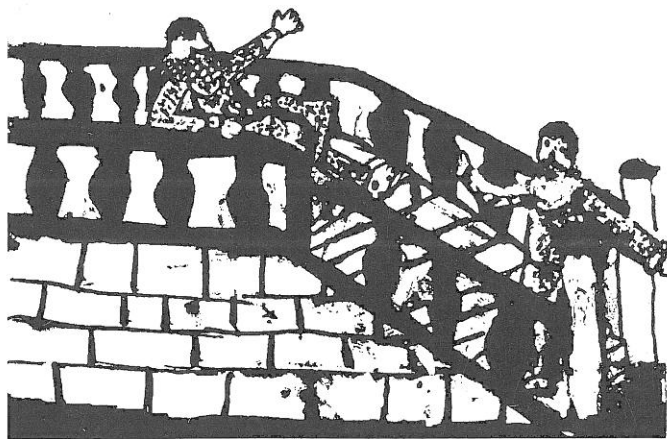
Текст, взятый из 26 главы “Опытов” (“О воспитании детей”), печатается по изданию: М. Монтень. Опыты: В 3-х книгах. 2-е изд. / Изд. подгот. А. С. Бобович, Ф. А. Коган-Бернштейн, Н. Я. Рыкова, А. А. Смирнов. Т. 1. М., 1980. С. 162–166.

Покойный мой отец, наведя тщательнейшим образом справки у людей ученых и сведущих, как лучше всего изучать древние языки, был предупрежден ими об обычно возникающих здесь помехах; ему сказали, что единственная причина, почему мы не в состоянии достичь величия и мудрости древних греков и римлян, — продолжительность изучения их языков, тогда как им самим это не стоило ни малейших усилий. Я, впрочем, не думаю, чтобы это была действительно единственная причина. Так или иначе, но мой отец нашел выход в том, что прямо из рук кормилицы и прежде чем мой язык научился первому лепету, отдал меня на попечение одному немцу,² который много лет спустя скончался во Франции, будучи знаменитым врачом. Мой учитель совершенно не знал нашего языка, но прекрасно владел латынью. Приехав по приглашению моего отца, предложившего ему превосходные условия, исключительно ради моего обучения, он неотлучно находился при мне. Чтобы облегчить его труд, ему было дано еще двое помощников, не столь ученых, как он, которые были приставлены ко мне дядьками. Все они в разговоре со мной пользовались только латынью. Что до всех остальных, то тут соблюда-

лось нерушимое правило, согласно которому ни отец, ни мать, ни лакей или горничная не обращались ко мне с иными словами, кроме латинских, усвоенных каждым из них, дабы кое-как объясняться со мною. Поразительно, однако, сколь многого они в этом достигли. Отец и мать выучились латыни настолько, что вполне понимали ее, а в случае нужды могли и изъясниться на ней; то же можно сказать и о тех слугах,

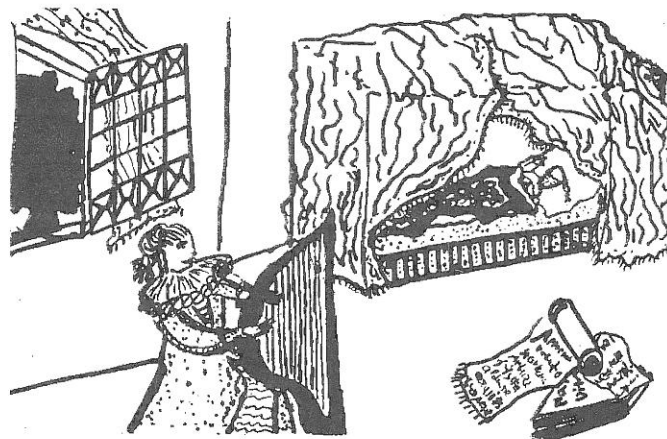

которым приходилось больше соприкасаться со мною. Короче говоря, мы до такой степени олатинились, что наша латынь добралась даже до расположенных в окрестностях деревень, где и по сию пору сохраняются укоренившиеся вследствие частого употребления латинские названия некоторых ремесел и относящихся к ним орудий. Что до меня, то даже на седьмом году я столько же понимал французский или окружающий меня перигорский³ говор, сколько, скажем, арабский. И без всяких ухищрений, без книг, без грамматики и каких-либо правил, без розог и слез я постиг латынь, такую же безупречную и чистую, как и та, которой владел мой наставник, ибо я не знал ничего другого, чтобы портить и исказить ее. Когда случалось предложить мне ради проверки письменный перевод на латинский язык, то приходилось давать мне текст не на французском языке, как это делают в школах, а на дурном латинском, который мне надлежало переложить на хорошую латынь. И Никола Груши, написавший *De comitiis Romanorum*,⁴ Гильом Герант,⁵ составивший комментарии к Аристотелю, Джордж Бьюкенен,⁶ великий шотландский поэт, Марк-Антуан Мюре,⁷ которого и Франция и Италия считают лучшим оратором своего времени, бывшие также моими наставниками, не раз говорили мне, что в детстве я настолько легко и свободно говорил по-латыни, что они боялись подступиться ко мне. Бьюкенен, которого я видел позже в свите покойного маршала де Бриссака,⁸ сообщил мне, что намереваясь писать о воспитании детей, он взял мое воспитание в качестве образца. <...>

Что касается греческого, которого я почти вовсе не знаю, то отец имел намерение обучить меня этому языку, используя совершенно новый способ — путем разного рода забав и упражнений. Мы перебрисывались склонениями вроде тех юношей, которые с помощью определенной игры, например, шашек, изучают арифметику и геометрию. Ибо моему отцу, среди

прочего, советовали приохотить меня к науке и к исполнению долга, не насилуя моей воли и опираясь исключительно на мое собственное желание. Вообще ему советовали воспитывать мою душу в кротости, предоставляя ей полную волю, без строгости и принуждения. И это проводилось им с такой неукосни-

тельностью, что — во внимание к мнению некоторых, будто для нежного мозга ребенка вредно, когда его резко будят по утрам, вырывая насильственно и сразу из цепких объятий сна <...>, — мой отец распорядился, чтобы меня будили звуками музыкального инструмента. <...>

Возвращаясь к предмету моего рассуждения, повторю, что самое главное — это прививать вкус и любовь к науке; иначе мы воспитаем просто ослов, нагруженных книжной премудростью.

¹ Гиень — название области, столицей которой был Бордо.

² Фамилия воспитателя была Горет (Horst), в латинизированном варианте — Horstanus.

³ Перигор — название области, в которой был расположен родовой замок Монтень.

⁴ Никола Груши (Gruchius, 1520–1572) — французский филолог-классик, преподававший древнегреческий язык в университетах Бордо и Коимбры. Трактат “О римских комициях” (т. е. народном собрании) вышел в Париже в 1555 г.

⁵ Гильом Герант — земляк, друг и соавтор Груши; в 1534–1547 гг. преподавал в Гиенском коллеже.

⁶ Джордж Бьюкенен (Buchananus, 1506–1582) — шотландский гуманист, историк, поэт и политический деятель. После бегства во Францию (из-за обвинения в ереси) преподавал в Бордо латынь.

⁷ Марк-Антуан Мюре (Muretus, 1526–1585) — видный французский филолог-классик и новолатинский поэт.

⁸ В 1554 г. Бьюкенен стал наставником девятилетнего Тимолона де Коссе-Бриссака — подававшего большие надежды, но рано погибшего сына маршала Шарля де Коссе-Бриссака.

Рисунки Ани Хесиной, Риты Мосьпановой,
Даши Видре, Саши Евлампиевой

Человек из города Бордо

Что бы вы ответили, если бы вам однажды вечером позвонили и предложили: “А не хотите ли поехать на год во Францию, поучиться?” Я сказала “да”, хотя потом об этом пришлось несколько раз пожалеть, и поехала. О Франции можно рассказывать бесконечно, поэтому мы ограничим тему: разговор пойдет о школе — поскольку за год, превратившийся, впрочем, в полгода благодаря бдительным служителям французского консульства, опыт у меня в этом отношении накопился порядочный.

Знакомство с французской системой обучения началось еще до отъезда, когда мне прислали бумагу о моем зачислении во второй класс школы Грэн Лебрэн города Бордо. Меня прошиб холодный пот: все же я тогда как-никак училась в десятом классе, и сразу на восемь лет назад, во второй, не хотелось. Но тут мне доходчиво разъяснили, что во Франции идет “обратный отсчет” классов и второй как раз соответствует нашему десятому, по крайней мере формально. Вблизи же все оказалось гораздо более сложно. Маленькие французы идут в школу, называемую *maternelle*, уже с трех-четырёх лет; там их учат читать, писать печатными буквами, как у нас в детском саду, и — как у нас — ходить туда вовсе не обязательно, но большинство все-таки это делает. Затем детишки отправляются уже в настоящую школу, где первые пять классов являются переходными между *maternelle* и настоящей школой. Номеров у этих классов нет, а называются они какими-то таинственными буквами, значения которых мне разгадать так и не удалось, поэтому и приводить их вам не буду. Только после этого дети поступают в шестой класс, учатся до первого, затем заканчивают класс *terminal*, получают (или не получают) титул бакалавра — и на этом наконец все. Так что нам с вами, господа, с нашим десятилетним образованием просто грех жаловаться!

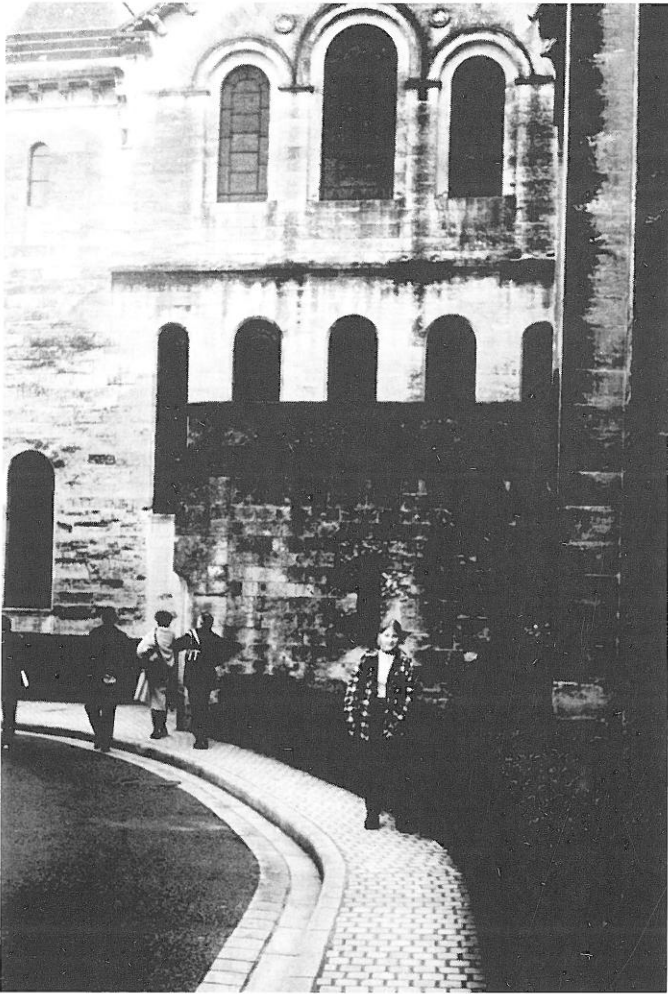
Итак, уже во французском консульстве Санкт-Петербурга меня стали запугивать: что-то не то вы, девушка, затеяли, опозоритесь. Но на поверку все оказалось совсем не страшно, особенно после нашей гимназии. Например, на уроках математики мои несчастные одноклассники несколько месяцев осваива-

ли теорему Виета и, за редким исключением, так ее и не освоили... А на английском, когда домашнее задание состояло из двух упражнений по учебнику, поднимался общий вопль недовольствия. Какое уж здесь домашнее чтение! С древними языками, из которых можно учить либо греческий, либо латынь, совсем просто: на дом задают перевести максимум три строчки адаптированного текста, да и то через раз. Урок проходит так: ученик читает, переводит, получает оценку, затем учитель задиктовывает правильный перевод. Никаких функций падежей, времен, казусов, модусов. Если вы можете назвать перфект от глагола *dare*, то ваши знания совершенны.

Не только древние языки, но и все иностранные ученик имеет право выбирать сам. Дело в том, что во французских школах, кроме обязательного набора предметов, есть еще так называемые *option 1, 2 и 3* — дисциплины, которые школьник изучает по своему выбору: первым обязательно должен быть живой язык (как правило, английский или немецкий), а вот дальше уже предлагается более широкий спектр: древние и новые языки (в числе последних русский и китайский), экономика, изящные искусства. Разумеется, список может меняться в зависимости от школы.

Теперь немного о самой школе: это целый замок, обнесенный стеной, куда посторонним вход воспрещен. Все постройки, имеющиеся на территории школы, мне так обзреть и не удалось. Дело в том, что для каждых двух классов — для шестых и пятых, например, — имеется отдельное здание и отдельный двор, куда запрещается входить всем другим ученикам. А если вы, не дай Бог, опоздали, то придется пойти к цензору и подписать у него дневник. Только затем вы попадаете в класс, но ваши беды еще не кончились: под этим замечанием надо еще как-то добыть подпись родителей, а то на следующий день вас просто не пустят в школу. Прогулять — просто невозможно, так как необходима родительская подпись, заверенная у завуча.

Перемена. Думаю, никому уже не надо объяснять, что за ограду школы в это время улизнуть не удастся. Но и в классах на перемене находиться нельзя. Всех учеников отправляют во двор, невзирая на дождь или,

наоборот, на жару. Да, кстати, перерывов всего два: до обеда и после обеда, по двадцать минут каждый.

Теперь немного о способах перемещения — по утрам мы с вами привыкли видеть, как в школу со всех сторон, словно в муравейник, подбредают детишки. Во Франции картина иная: к школе устремляются не несчастные пешие дети, а вполне довольные — на велосипедах, мотоциклах и даже машинах. Для всего этого в школе предусмотрен гараж, так что о сохранности своего двухколесного друга во время занятий вам беспокоиться не придется.

И еще одно преимущество есть у французов: совершенно сумасшедшее количество каникул. Посудите сами: две недели осенью, две недели на Рождество, две недели в феврале, две недели весной, да еще по пять дней на все важные церковные праздники, например, на Пасху и Вознесение! Но при всех этих прелестях школа для французов совсем не то, что для нас: классы переформируются и учителя меняются каждый год, общих праздников почти нет, — так что друзей особенно не заведешь. Правда, многие ребята состоят в различных скаутских организациях.

1999, Бордо — Петербург

*Децим Магн Авсоний “Бурдигала”**

Impia iamdudum condemno silentia, quod te,
O patria, insignem Baccho fluviisque virisque,
Moribus ingeniisque hominum procerumque senatu,
Non inter primas memorem, quasi conscius urbis
Exiguae immeritas dubitem contingere laudes.
Non pudor hinc nobis: nec enim mihi barbara Rheni
Ora nec arctoo domus est glacialis in Haemo:
Burdigala est natale solum; clementia caeli
Mitis ubi et riguae larga indulgentia terrae,
Ver longum brumaeque novo cum sole tepentes
Aestifluique amnes, quorum iuga vitea subter
Fervent aequoreos imitata fluenta meatus.
Quadrupla murorum species, sic turribus altis
Ardua, ut aeras intrent fastigia nubes.
Distinctas interne vias mirere, domorum
Dispositum et latas nomen servare plateas,
Tum respondentem directam in compita portas <...>
Diligo Burdigalam, Romam colo; civis in hac sum,
Consul in ambabus; cunae haec, ibi sella curulis.

Ах, как я долго молчал о тебе, мой собственный город,
Славный вином, полноводной рекой, достойным народом,
Нравом и острым умом горожан, и чтимым сенатом!
Можно подумать, что я оттого не назвал среди самых
Первых тебя городов, что почел тебя слишком ничтожным?
Нет! Я недаром твой сын! Я рожден не на варварском Рейне,
Не был мне колыбелью утес ледовитого Гема:
Здесь — моя родная земля, под ласковым небом,
Где орошенная почва свои расточает щедроты,
Долго длится весна, и зима теплеет под солнцем,
А полноводные реки у ног холмов виноградных
Бурным кипеньем своим подобны морскому приливу.
По четырем сторонам возвышаются стены, крутые
Башни возносятся ввысь, пронзая вершинами тучи;
Встали меж ними рядами дома, пролегли между ними
Улицы, дивные взору, и площади, подлинно плоски,
А на скрещенья путей глядят городские ворота. <...>
Риму — почет, Бурдигале — любовь; хоть консул в обоих,
Здесь я — жилец; здесь моя колыбель, там — курульное кресло.

пер. М. Л. Гаспарова

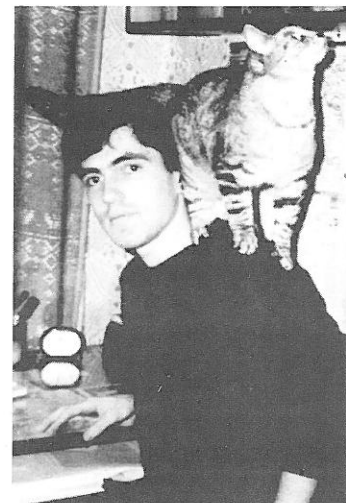
* Бурдигала — римское название Бордо, родного города Авсония.

Артур Рембо

ГРЕЗА ШКОЛЬНИКА

Перевод с латыни Дениса Кейера,
выпускника 1996 г.

Вступительная заметка В. В. Зельченко

Традиция школьных упражнений, подразумевающих сочинение стихов на заданную тему на неродном языке, имеет любопытную предысторию. Надпись на могиле одиннадцатилетнего римлянина Квинта Сульпиция Максима (конец I в. н. э.)¹ повествует, что этот дивно одаренный отрок незадолго до смерти принял участие в состязании греческих поэтов, входившем в состав грандиозных Капитолийских игр. Сульпицию пришлось соревноваться с пятьюдесятью двумя взрослыми конкурентами; первой премии — лаврового венка — он, по-видимому, не стяжал, но обратил на себя общее внимание и удостоился похвал. Всего удивительнее, что Сульпиций, в отличие от других участников, выступал *экспромтом* на специально предложенный сюжет — “Какими словами Зевс мог бы порицать Аполлона, когда тот отдал Фаэтону свою колесницу”. Не ограничиваясь рассказом об этом знаменательном событии, родители вундеркинда озаботились высечь на могильном камне и саму поэму в 43 стиха (как поясняется в той же эпитафии, “ne parentes affectibus suis indulsisse videantur”). Эти почти безукоризненно правильные, но вместе с тем аляповатые и безжизненные стихи — французский филолог и историк педагогики Анри-Ирене Марру резко, но, увы, справедливо называет их “отталкивающими”² — изобилуют редкими книжными словами и гомеровскими эпитетами; их юный автор демонстрирует отменное владение греческим языком и трудным мифологическим материалом. Столь неожиданно выглядит единственный образец детского творчества, дошедший до нас от классической древности.

Ясно, что, каковы бы ни были способности сочинителя-вундеркинда, его выступлению должны были предшествовать длительные тренировки. Впрочем, для античности пример Сульпиция скорее исключителен; по-видимому, мальчика специально готовили к карьере импровизатора-профессионала. Хотя некоторые одаренные римляне и писали в детстве греческие стихи, а четырнадцатилетний Плиний Младший да-

же сочинил трагедию (cf. *Epist.* VII, 4, 2), в школах этому, скорее всего, не учили. Традиция учебной версификации на иностранных языках (в первую очередь речь идет, естественно, о латыни) родилась в средние века, была подхвачена и переосмыслена гуманистами Возрождения и развита в педагогической системе иезуитов; еще в начале минувшего века питомцы “классических” школ Англии, Франции, Италии регулярно практиковались в сочинении гекзаметров и дистихов.

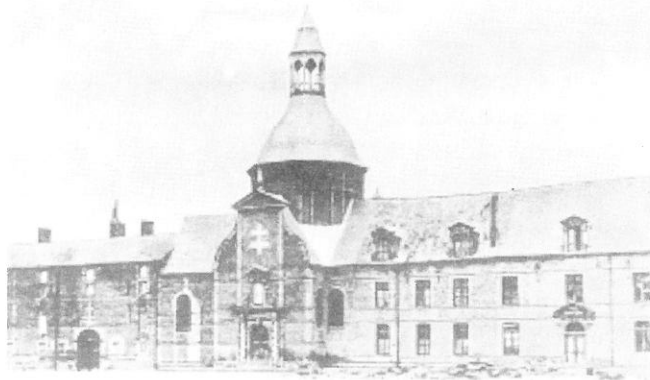
Публикуемые ниже стихи написаны четырнадцатилетним Артуром Рембо (1854–1891), учеником второго класса Шарлевильского муниципального коллежа (во Франции по сию пору принята обратная нумерация школьных классов), на ежегодном испытании по латинскому стихосложению. В качестве темы был предложен отрывок из оды Горация III, 4 (стт. 9–13 и 18–20):

Me fabulosae Vulture in Apulo
Altricis extra limen Apuliae
Ludo fatigatumque somno
Fronde nova puerum palumbes
Texere...
...Ut premerer sacra
Lauroque collataque myrto
Non sine Dis animosus infans.³

Испытание, состоявшееся 6 ноября 1868 года, длилось три с половиной часа. Стихотворение Рембо было напечатано в “Официальном бюллетене” Академии Дуэ, под чьим патронажем находились учебные заведения севера Франции и в их числе Шарлевильский колледж. По иронии судьбы эта публикация в никому не ведомом провинциальном педагогическом журнале, подшивку которого более чем полвека спустя с трудом разыскали библиографы, стала литературным дебютом Рембо. В течение двух последующих лет тот же “Бюллетень” напечатал еще несколько латинских

стихотворений и переводов того же автора. К сожалению, последнее из них, написанное на интригующую тему (“Pansa [Sancho] asellum mortuum lacrimis prosequitur laudibusque gratis”) и принесшее Рембо победу на Академическом конкурсе 1870 г., журнал успел только анонсировать: с началом франко-прусской войны северо-восток Франции превратился в арену военных действий. Соседний с Шарлевилем городок Мезьер был разрушен прусской артиллерией; учеников распустили по домам, а когда коллеж открылся вновь, Рембо туда уже не вернулся.

Отношения будущего поэта с древними языками не всегда были столь безоблачны, как можно предположить по публикуемому тексту. В десять лет, еще учась в частной школе Росса, Рембо записал: “Какое мне дело до того, что Александр был знаменит! Подумаешь!.. Кто знает, может быть, римлян вообще никогда не существовало, и латынь — это придуманный язык... Но даже если они и существовали, пусть дадут мне спокойно стать рантье и пусть забирают свой язык себе! Что плохого я им сделал, что они меня мучают? Перейдем теперь к греческому. На этом гадком языке не говорит никто, ни один человек на всем свете! Черт побери! Черт побери!”⁴ Однако уже несколько лет спустя Рембо стал изумлять преподавателей той легкостью, с какой из-под его пера выходили правильные латинские гексаметры. “Пока кто-нибудь из нас доказывал у доски геометрические теоремы, — вспоминал один из его соучеников, — Рембо за какие-то мгновения мог накропать несколько строчек стихов по-латыни. Каждый из нас получал такое, какое ему было нужно. Название всегда было одинаковое, но фактура, идея, ход мысли в каждом стихотворении были достаточно оригинальны, чтобы учителю не пришло в голову, что все это — плод усилий одного человека”.⁵ В мемуарах другого соученика засвидетельствован показательный эпизод, позволяющий судить как о феноменальных способностях Рембо, так и о его бунтарском характере; дело происходило в 1870 г., когда в Шарлевиле состоялся ежегодный конкурс Академии Дуэ. Директор коллежа Дедуэ связывал с Рембо честолюбивые надежды, о чем сам ученик, несомненно, догадывался; между тем, когда половина отпущенного конкурсантам времени миновала, юный талант не написал еще ни строки. “Рембо сидел за партой, бесстрастный, погруженный в мечты, взгляд его блуждал где-то далеко. <...> Ошарашенный Дедуэ (он вернулся в класс) спросил его:

Шарлевилльский коллеж

— Как же так, Артюр?.. Неужели Муза?..

— Я голоден, — был ответ.

Директор приказал консьержу принести несколько бутербродов. Когда это было исполнено, Рембо принялся за еду, не обращая внимания на приглушенные смешки соседей. Закончив, он схватил перо и начал писать сразу начисто, даже не заглядывая в принесенный с собой *Gradus*. В полдень он сдал работу.

— У вас было совсем мало времени, — сказал ему учитель физики, надзиравший за конкурсом.

Нацепив пенсне, Дедуэ пробежал глазами работу и победно воскликнул:

— Мы выиграли, я вам это точно говорю!”⁶

Что до знания греческого, то когда пять лет спустя (но уже в совершенно другой жизни, которая и не снилась шарлевилльскому школяру, собиравшемуся стать рантье) Рембо решит выучиться русскому языку, он станет использовать для этой цели “старый греческо-русский словарь, страницы которого он разрезал на мелкие кусочки и таскал с собой в карманах”.⁷

Выдающиеся успехи Рембо в древних языках уравнивались катастрофическими неудачами в математике; это, однако, не мешало ему не только регулярно получать диплом первого ученика, но и оберегать от исключения из школы своего куда менее одаренного брата Фредерика (последнего не отчисляли только из боязни,

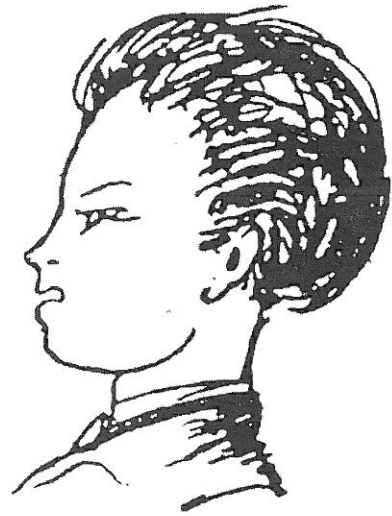
что известная своей строптивостью г-жа Рембо забереет и Артюра). Таковы были, как видим, учебные приоритеты Шарлевилльского коллежа.⁸

Словосочетание “стихи ребенка” вызывает у современного читателя вполне предсказуемый набор ассоциаций: свежий в своей наивности взгляд на мир, яркий метафорический язык, свободный полет фантазии, не скованной литературными условностями. Не будем останавливаться на том, в какой степени соответствует действительности этот расхожий взгляд на детскую поэзию, сформировавшийся, по-видимому, в эпоху романтизма;⁹ укажем лишь, что стихи Рембо (как, кстати, и поэма Сульпиция) не имеют к перечисленному набору качеств ни малейшего отношения. В них нет ничего специфически “детского” — кроме разве стремления автора казаться взрослым.

Жанр школьного стихотворения имеет свои законы, по которым его и надлежит судить. Упражнение в латинской версификации требовало, чтобы ученик продемонстрировал не только активное владение древним языком и правилами квантитативной метрики,

а также знакомство с римской поэтической традицией (ограниченной, впрочем, кругом школьных авторов; ни архаизмам Лукреция, ни смелым неологизмам Катулла, ни ритмическим экспериментам Проперция в этих стихах нет места), но и умение связно и последовательно раскрыть предложенную тему, расцветив ее подходящими к случаю отступлениями, сравнениями и экфразами; во времена, когда поэзия и риторика еще не враждовали друг с другом, стихосложение рассматривалось как *aemula eloquentiae*. Так, короткий отрывок из Горация Рембо добросовестно разворачивает в пятьдесят с лишним гекзаметров, удваивая, а то и утраивая каждую встречающуюся в подлиннике деталь — к примеру, число венков на голове лирического героя становится к финалу прямо-таки угрожающим — и подбирая всё новые синонимы и перифразы для выражения одних и тех же понятий. То, что текст при этом становится многословным, монотонным и местами озадачивающе темным (переводчик справедливо не стал сглаживать эти особенности оригинала), автора ничуть не смущает. Стремясь показать все, на что способен, он детально описывает вполне условный сельский пейзаж, вводит непременно эпическое сравнение (строки о магните), называет свирепого учителя Орбилием, щеголяет знанием атрибутов Аполлона и любимого местопребывания Венеры, и т. п. В связи с этим попытки некоторых исследователей увидеть в словах “*Tu vates eris...*” автохарактеристику Рембо, его горделивое пророчество о собственном будущем, по-видимому, лишены оснований — юный поэт и здесь находится в рамках традиции и думает больше о Пиндаре и Горации, чем о себе самом.¹⁰

Оценивая словарный запас Рембо и круг его латинских источников, следует учитывать одно важное обстоятельство. В приводившейся выше мемуарной цитате упоминался “принесенный с собой *Gradus*”; речь идет о знаменитом словаре *Gradus ad Parnassum*, который в течение нескольких столетий был настольной книгой школьников. Составленный швейцарским педагогом-иезуитом Паулем Алером (1656–1727), *Gradus ad Parnassum* выдержал целый ряд дополненных и обновленных переизданий во многих европейских странах; в частности, во Франции XIX в. в ходу были версии Франсуа-Жозефа Ноэля и Луи Кишера. В этом алфавитном справочнике можно найти не только просодическую схему латинского слова (гимназистам не нужно объяснять, как трудно удерживать в памяти “долготы и краткости”, не воспроизводимые при произношении), но и набор рекомендуемых эпитетов к нему, сводку синонимов и антонимов, наконец, соответствующие места из римских поэтов — своего рода кирпичики, из которых удобно складывать собственные стихи. Так, *Gradus* мог подсказать Рембо использованные им зачины *solis inardescit radiis* (*Verg.*

Рембо в возрасте пятнадцати лет
Рисунок Эрнеста Делазэ, одноклассника и друга

Aen. VIII, 623; ср. ниже ст. 55)¹¹ и *monte sub aereo* (*Aen.* VI, 234; ср. ст. 36), клаузулы *impellere pollice chordas* (*Tib.* II, 5, 3; у Рембо в ст. 47 — *compellere*) и *caelestis origo* (*Verg. Aen.* VI, 730; ср. ст. 42), определение вдохновения как *mens divinius* (*Hor. Serm.* I, 4, 43; у Рембо в ст. 14 — в том же месте гекзаметра). Приведенный список легко продолжить; читатели могут попробовать сделать это сами. Не исключено и даже вероятно, что кое-что из перечисленного Рембо припомнил самостоятельно — однако с уверенностью судить о его круге чтения по этим цитатам трудно.

Тем интереснее случаи, когда источники Рембо менее отчетливы и он использует форму того или иного всплывшего в памяти латинского стиха, наполняя ее новым содержанием; здесь *Gradus ad Parnassum* уже ничем помочь не мог. Так, конструкция ст. 9 (*taedia iam ludi, iam tristia verba magistri*) звучит эхом хрестоматийного описания золотого века у Овидия (*Met.* I, 111: *flumina iam lactis, iam flumina nectaris ibant*); любопытно и едва ли случайно созвучие зачинов “*molli remigio...*” (ст. 28) и “*olli remigio...*” (*Verg. Aen.* VIII, 94); в ст. 8 можно усмотреть “перекрестное” влияние *Verg. Georg.* I, 412 (*nescio qua praeter solitum dulcedine laeti*) и *Ov. Met.* I, 709 (*arte nova vocisque deum dulcedine captus*). В целом четырнадцатилетний стихотворец обнаруживает как основательное знание литературного наследия Августова века, так и известную свободу в обращении с этим наследием; это помогает Рембо не просто комбинировать готовые сочетания, но и создавать новые — в духе латинского языка и римской поэтической традиции: таковы *ridentia ruga*, *aetherea valles*, *lymphati sensus* и др.

Предлагаемые вашему вниманию стихи — пусть и блестяще исполненное, но все же ученическое упражнение — примечательны даже не тем, что их автором был один из значительнейших французских по-

этов (здесь пример Рембо не уникален);¹² куда важнее, что это был поэт, удивительно рано сформировавшийся. Первые из обессмертивших его имя стихотворений созданы всего через полтора года после прописей “Ver erat...”; шедевр “Пьяный корабль”, без которого любая антология мировой поэзии будет неполной, — менее чем через три года. Это обстоятельство, как кажется, сообщает экзаменационной работе четырнадцатилетнего второклассника из заштатного Шарлевиля особое значение и представительность; она дает повод поразмышлять как о слабостях, так и о достоинствах долгой и славной традиции школьного латинского стихосложения.¹³

¹ Ее текст см., напр.: Griechische Vers-Inschriften / Hrsg. von W. Peek. Bd I. Berlin, 1955. № 1924.

² Н.-И. Marrou. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. 6ème éd. Paris, 1965. P. 382.

³ “Когда я был мальчиком, на апулийском Вультуре, за порогом кормилицы-Апулии, баснословные голубки усыпали меня, одоленного игрой и сном, молодой листвой... [и все мои земляки дивились тому], как я был укрыт священными лавром и миртом — дитя, вдохновенное богами”. Современные издатели предпочитают чтение лучших рукописей *nutricis extra limina Pulliae*, поддержанное и комментарием Порфириона; *Pullia*, по-видимому, — имя кормилицы.

⁴ A. Rimbaud. Œuvres complètes / Texte ét. et ann. par R. de Renèveille et J. Mouquet. Paris: Éd. de la Pléiade, 1963³. P. 5.

⁵ Цит. по: П. Птифис. Артур Рембо. М., 2000. С. 50–51 (пер. И. Свердлова).

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Там же. С. 254 (пер. Ю. Переслегина).

⁸ Десятилетием ранее в Пфорте, школе куда более высокого уровня (о ней см. статью А. К. Гаврилова в настоящем номере), точно так же прощали Фридриху Ницше невосприимчивость к математике за блестящую филологическую одаренность.

⁹ Ср. точные замечания Ролана Барта, анализировавшего этот прочно укорененный в массовом сознании стереотип: “Любой отпечаток «культуры» считается в этом случае признаком фальши, словно природа скрупулезно следит даже за своим словоупотреблением, словно ребенок не живет в постоянном осмосе [зд.: соприкосновении. — В. З.] со средой взрослых; метафоричность, образность, неожиданность оказываются отнесены за счет детства в качестве знаков чистой спонтанности, между тем как на самом деле они суть продукты напряженной (сознательной или бессознательной) работы, предполагают «глубокомыслие», где решающую роль играет именно степень индивидуальной зрелости” (Литература и Мину Друэ // Р. Барт. Избранные работы. М., 1989. С. 50; пер. Г. Косикова).

¹⁰ В горацянском оригинале развивается мотив знаменания, свидетельствующего о богоизбранности будущего поэта (похожие легенды рассказывали о младенцах Стесихоре [*Plin. Nat. Hist.* X, 82] и Пиндаре [*Pausan.* IX, 23, 2]). Рембо присоединяет к нему другой, столь же традиционный — “Музы, являющиеся автору во сне, посвящают его в

поэты”. Этот сюжет, изложенный Каллимахом в так называемом втором прологе “Причин” (вослед Гесиоду; cf. *Hes. Theog.* 22 sqq. и *Call. fr.* 2 Pfeiffer), получил богатое развитие в латинской поэзии начиная с Энния; примером его детальной разработки может служить элегия III, 3 Проперция. См.: W. Wimmel. *Kallimachos in Rom.* Wiesbaden, 1950. S. 221 ff.

¹¹ Здесь и ниже, говоря об источниках стихотворения Рембо, мы активно используем материал, собранный Денисом Кейером.

¹² В частности, сохранились школьные латинские стихи Сент-Бёва (одна из развиваемых им тем — “Русский царь Петр Великий посещает Сорбонну”), Альфреда де Мюссе и, в первую очередь, Бодлера (см.: *Ch. Baudelaire. Vers latins <...>* / Introd. et notes par J. Mouquet. Paris, 1933). Последний продолжал писать по-латыни и позднее: так, в “Цветы зла” включено стихотворение *Franciscae meae laudes*, построенное по образцу средневекового гимна (“*Patera gemmis corrusca, / Panis salsus, mollis esca, / Divinum vinum, Francisca!*”).

¹³ Латинский оригинал печатается по изд.: A. Rimbaud. Œuvres complètes... P. 6–11; условное заглавие “Le songe de l'écolier” дано публикатором Жюлем Муке. Поскольку рукопись Рембо не сохранилась и единственным источником текста служит публикация в “Бюллетене академии Дуэ”, мы позволили себе исправить два искаженных, по нашему мнению, пассажа: *brevi* вм. *breve* в ст. 37 и *visusque* вм. *visuque* в ст. 49.

Рисунок Рембо-школьника

* * *

Ver erat, et morbo Romae languebat inertī
Orbilius: diri tacuerunt tela magistri
Plagarumque sonus non iam veniebat ad aures
Nec ferula assiduo cruciabat membra dolore.

- 5 Arripui tempus: ridentia rura petivi
Immemor: a studio moti curisque soluti
Blanda fatigatam recrearunt gaudia mentem.
Nescio qua laeta captum dulcedine pectus,
Taedia iam ludi, iam tristia verba magistri
10 Oblitum, campos late spectare iuvabat
Laetaque vernantis miracula cernere terrae.
Nec ruris tantum puer otia vana petebam:
Maiores parvo capiebam pectore sensus:
Nescio lymphatis quae mens divinior alas
15 Sensibus addebat: tacito spectacula visu
Attonitus contemplabar: pectusque calentis
Insinuabat amor ruris: ceu ferreus olim

Annulus, arcana quem vi Magnesia cautes
Attrahit et caecis tacitum sibi colligat hamis.

- 20 Interea longis fessos erroribus artus
Deponens, iacui viridanti in fluminis ora
Murmure languidulo sopitus, et otia duxi
Permulsus volucrum concentu auraque Favoni.
Ecce per aetheream vallem incessere columbae,
25 Alba manus, rostro florentia sarta gerentes,
Quae Venus in Cypriis redolentia carpserrat hortis.
Gramen, ubi fusus recreabar, turba petivit
Molli remigio: circum plaudentibus alis
Inde meum cinxere caput vincloque virente
30 Devinxere manus et, olenti tempora myrto
Nostra coronantes, pondus per inane tenellum
Erexere... Cohors per nubila celsa vehebat
Languidulum rosea sub fronde; cubilia ventus
Ore remulcebat molli nutantia motu.
35 Ut patrias tetigere domos rapidoque volatu
Monte sub aereo pendentia tecta columbae

Intravere, brevi positum vigilemque relinquunt.
O dulcem volucrum nidum!.. Lux candida puris
Circumfusa humeros radiis mea corpora vestit:

* * *

Длились весенние дни, и Орбилия в Риме к постели
Праздный недуг приковал. Наставника смолкло оружие
Грозного, слух прекратив терзать громыханием сечи:
Розга тела истязать неослабно болью престала.
Час улучил я: стопы к сияющим селам направил,
Все позабыв. От ученья вдали, от забот отрешившись,
Был истомленный мой ум освежен упоительной негой.
Неизъяснимый восторг владел очарованным сердцем;
Видом лугов, широко раскинутых, весело было
Мне любоваться и зреть расцветающей чудо природы,
Строгих учительских слов и школы не помня постылой.
Отроку, не был досуг мне в деревне любезен бездельный —
В малой лелеял груди я иные, великие чувства:
Вышнего некий порыв вдохновенья крылами шальные
Чувства дарил, и в немом восхищенье я озирался,
Дивных природных картин наслаждаясь красою. Закралась
К солнечным нивам любовь мне в сердце: так перстень

железный

Тайною силой скалы влечется подчас Магнесийской,
К камню беззвучно стремим притяжением крючьев

незримых...

Членам доставив покой, изнемогшим от долгих скитаний,
Томным журчанием вод убаюкан, возлег я на бреге
Тою порой зеленистом реки и неге отдался,
Щебетом ласковым птиц усыплен и дыханьем зефира.
Вдруг белогрудый отряд показался в долине небесной:
То голубицы несли торжественно в клювах гирлянды
Сорванных в Кипра садах Венерой цветов благовонных.
Лопастями нежными крыл загребая, пернатых спустилась
Стая туда, где, простершись в траве, я сил набирался.
Вкруг трепеща опереньем, главу мне голубки венчали,
Руки увиди затем плетеницей цветущей и, мирта
Благоуханный венок на чело возлагая, подъяли
Тело младое в эфир... В заоблачной сонного выси
Под покрывалом из роз везла голубиная свита;
Ласково вея, качал мое ложе заботливый ветер.
Отчих достигнув краев, голубки полетом проворным
Гнездам навстречу спешат, над стремниной висящим

высоко;

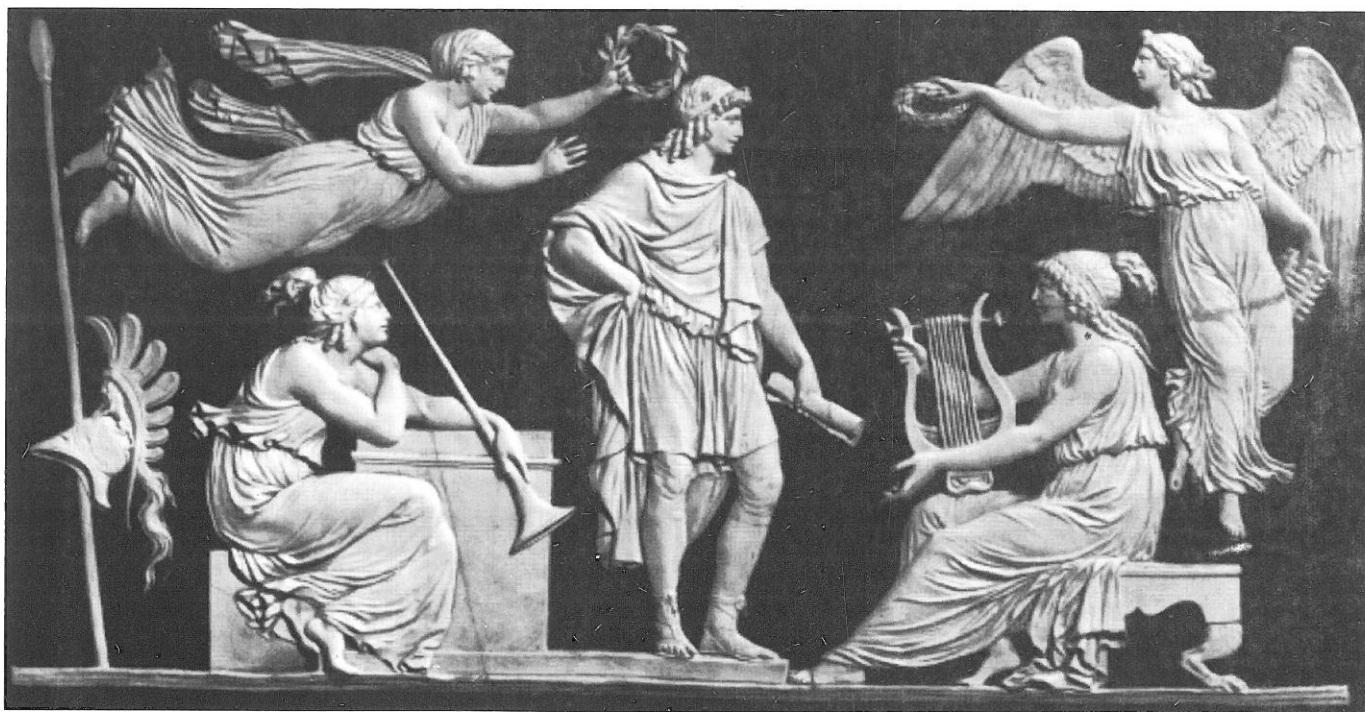
Скоро меня, ото сна пробужденного, здесь оставляют.
Гнездышко милое птиц!.. Мне ярко сверкающий залил
Свет рамена и всего меня ясным окутал сияньем —

40 Nec vero obscurae lux illa simillima luci,
 Quae nostros hebetat mixta caligine visus:
 Terrenae nil lucis habet caelestis origo!
 Nescio quid caeleste mihi per pectora semper
 Insinuat, pleno currens ceu flumine, numen.
 45 Interea redeunt volucres rostroque coronam,
 Laurea sarta, gerunt, quali redimitus Apollo
 Argutas gaudet compellere pollice chordas.
 Ast ubi laurifera frontem cinxere corona,
 Ecce mihi patuit caelum visusque repente
 50 Attonito volitans super aurea nubila Phoebus
 Divina vocale manu praetendere plectrum.
 Tum capiti inscripsit caelesti haec nomina flamma:
 TU VATES ERIS... In nostros se subiicit artus

Tum calor insolitus, ceu, puro splendida vitro,
 55 Solis inardescit radiis vis limpida fontis.
 Tunc etiam priscam speciem liquere columbae:
 Musarum chorus apparet, modulamina dulci
 Ore sonans, blandisque exceptum sustulit ulnis,
 Omina ter fundens, ter lauro tempora cingens.

Подлинно, с мглистым отнюдь свечением свет
 не сравнимый,
 Взор застилающим наш из-за мутной завесы тумана:
 Чуждо сиянье небес земного тусклого блеска!
 Словно потоком лиясь полноводным, мой оделяет
 Перси сие божество неизменно чем-то небесным.
 Временем тем возвращаясь домой, голубицы приносят
 В клювах лавровый венец — такой же власы Аполлона
 Красит убор, перстом по звучным бьющего струнам.
 Только увиди они мне кудри лавром сплетенным —
 Вдруг небеса надо мной разверзлись; внезапным виденьем
 Был поражен я: вперед простирая божественной дланью
 Плектр звончатый, сам Феб над златыми парит облаками.
 Мне начертал он небесным огнем на челе прорицанье:
 “Будеешь пиит...” В тот же миг чудесным исполнились
 жаром

Члены мои, подобно тому как под солнца лучами,
 Чистым светясь хрусталем, прозрачный пылает источник.
 Облик сменили тогда голубки: предстал предо мною
 Муз хоровод; изливался из уст их напев сладкозвучный.
 Нежно обняв, из гнезда меня на руки приняли Музы,
 Трижды знаменья рекли, трижды лавром чело увенчали.

Джон Флаксен (1755–1826)
 Апофеоз Вергилия

Уинстон Черчилль и первое склонение

Перевод с английского Вероники Никитиной,
11 класс

Среди других материалов этого номера, посвященных классическому образованию, рассказ Уинстона Черчилля (1874–1965) о первом в его жизни уроке латыни может показаться диссонирующим. В самом деле, впечатление, которое произвел на семилетнего Уинстона грозный учитель начальной школы (его имени мемуарист с истинно английским благородством не называет), оказалось столь сильным, что Черчилль и много лет спустя не уставал при случае подчеркивать: для того, чтобы стать великим человеком, изучение древних языков вовсе не обязательно. Даже несмотря на живой интерес к античной цивилизации, увлечение платоновским “Государством” и “Историей упадка и разрушения Римской империи” Гиббона, Черчилль так и не преодолел скептического отношения к школьной латыни, которая ассоциировалась у него с зубрежкой и принуждением. Знакомя читателей с этим отрывком, мы хотели бы еще раз напомнить, какую опасность влечет за собой превращение занятий древними языками в одно лишь бездумное заучивание парадигм.

Перевод выполнен по изданию: W. S. Churchill. *My Early Life* / Ed. A. Scotland. London, 1958 (repr. 1961). P. 16–19.

Мы прибыли в школу мрачным ноябрьским вечером. Во время чаепития у директора моя мать беседовала с ним самым непринужденным образом; я же страшно боялся опрокинуть чашку и сразу же показать себя не с лучшей стороны. Уже при одной мысли о том, что мне придется остаться наедине с незнакомыми людьми в этом огромном, внушающем ужас здании, я чувствовал себя глубоко несчастным. В конце концов, мне было лишь семь лет и я был так счастлив в детской со своими замечательными игрушками: настоящей паровой машиной, волшебным фонарем и почти стотысячной армией солдатиков! Теперь же меня ожидали одни только уроки: семь-восемь часов занятий каждый день, кроме редких выходных и праздников да разве еще футбола или крикета.

Когда последние звуки матушкиного экипажа замерли вдали, директор предложил передать ему все имевшиеся у меня деньги. Я протянул свои три полукроны, которые были, как и положено, внесены в учетную книгу. Мне сообщили, что время от времени в школе бывает “лавка”, где продается все необходимое. Там я смогу купить то, что захочу, на сумму, не превышающую семи шиллингов и шести пенсов. Затем, покинув кабинет директора и его комфортабельные апартаменты, мы перешли в более унылую часть дома, где располагались классы и спальни учеников.

Меня провели в класс и велели сесть за парту. Все другие мальчики были на улице, и я оказался один на один с учителем. Он достал тощую книжку в болотного цвета переплете, набранную разными шрифтами, и спросил:

— Ты ведь никогда раньше не учил латынь?

— Нет, сэр.

— Это латинская грамматика. — Он открыл замусоленную страницу и, ткнув пальцем в несколько слов, обведенных в рамку, сказал: — Ты должен выучить вот это. Я вернусь через полчаса и проверю твои знания.

Представьте себе, с каким замиранием сердца я в тот пасмурный вечер воззрился на первое склонение.

<i>Mensa</i>	стол
<i>Mensa</i>	о, стол!
<i>Mensam</i>	стол
<i>Mensae</i>	стола
<i>Mensae</i>	столу или для стола
<i>Mensa</i>	столом или от стола

Что бы это могло означать? Был ли в этих словах хоть какой-нибудь смысл? Они казались мне полной абракадаброй. Но один выход все же оставался — выучить наизусть. И я в тоске стал пытаться запомнить задание, с виду больше похожее на головоломку.

В назначенное время учитель вернулся.

— Выучил? — спросил он.

— Думаю, да, сэр, — и я отбарабанил урок.

Учитель был так доволен, что я осмелился задать вопрос:

— А что это значит, сэр?

— То, что написано. Mensa — это стол. Mensa — существительное первого склонения. Всего склонений пять. Ты выучил единственное число первого склонения.

— Но что это значит? — повторил я.

— Mensa означает “стол”.

— Тогда почему mensa также означает “о, стол”, — допытывался я, — и что такое “о, стол”?

— Mensa “о, стол” — это звательный падеж, — отвечал он.

— Но почему все-таки “о, стол”? — настаивал я с искренним любопытством.

— Ты говоришь “о, стол!”, когда обращаешься к столу, взываешь к нему... — И, заметив, что я не понимаю, он прибавил: — Ты мог бы использовать это обращение, разговаривая со столом.

— Но я никогда не делаю этого! — выпалил я с неподдельным изумлением.

— Если ты будешь дерзить, тебя накажут и, должен заметить, престоного.

Так состоялось мое первое знакомство с древними языками, которые, как я узнал впоследствии, принесли многим нашим умнейшим мужам столько пользы и утешения.

<...> То, что было мне неинтересно, не затрагивало мой ум или воображение, я либо не хотел, либо не мог выучить. За все двенадцать лет, проведенных мною в школе, никому не удалось хотя бы раз заставить меня сочинить латинские стихи или выучить по-гречески что-нибудь, кроме алфавита. Я вовсе не пытаюсь оправдать себя за то, что так глупо пренебрег возможностями, предоставление которых стоило моим родителям больших денег, а наставникам больших усилий. Не исключено, что если бы я знакомился с древними, изучая их историю и обычаи, а не грамматику и синтаксис, то мои успехи были бы лучше.

Учитель и ученики.
Гравюра на дереве.
XV в.

N. V. Чернуха

ASYLUMERS

“Абарис” — не единственный журнал, издаваемый в стенах Санкт-Петербургской классической гимназии. Многим памятен альманах “Мои университеты”, составленный участниками гимназической литературной студии под руководством С. А. Ивановой (его и сегодня можно приобрести в книжной лавке галереи “Борей”). От номера к номеру все солиднее становится рукописный журнал с изысканным названием “Новый атавизм”, который издает группа десятиклассников и выпускников во главе с неутомимой Верой Жижжиной. Наконец, в 1999–2000 гг. клуб ревнителей английского языка и британской идеи “Asylumers” (триаду его “отцов-основателей” составили преподаватель английского языка Наталья Викторовна Чернуха и два выпускника 1998 г., ныне студенты филфака Василий Степанов и Светлана Клейнер) выпускал журнал “Англоман”, содержание которого в точности соответствовало заголовку. В “Англомане” публиковались материалы о Фрэнсисе Дрейке, Роберте Бернсе, Г. К. Честертоне, панегирические манифесты о превосходстве английского языка и образа жизни над всеми прочими, стихи и рисунки, обзоры деятельности “Asylumers” и матчей футбольной команды Manchester United, а также многое другое; шумно-просветительские акции “закрытого клуба”, неизменно привлекающие большое количество участников и зрителей, сделали кабинет английского языка на третьем этаже одним из культурных центров гимназии.

Не только не боясь конкуренции, но, напротив, всячески ее приветствуя, “Абарис” предоставляет героическому редактору “Англомана” свои страницы.

All world's a stage...

W. Shakespeare

He that is mad and sent into England <...>

There the men are as mad as he.

Guess who

Что наша жизнь?

М. И. Чайковский

Есть события, которые широкая общественность замечает не сразу; со временем, однако, они оказывают немалое воздействие на развитие европейской цивилизации.

Шестого января (день рождения Шерлока Холмса) 1999 года в холодной электричке, следующей из Мги в Петербург, скучали будущие Phounding Phathers. When passing станцию Ивановская, им пришла в головы (simultaneously) мысль написать устав закрытого клуба “Asylumers”.

We hereby declare our firm intention to maintain the British idea and thus found the *Asylumers* club.

The aim of the Club is to spread the idea about England being the top nation <...> and to persuade people that:

— the English Language is the most Language in the World;

— the English Football is the most Football;

— the only proper tea is English tea.

Phounding Phathers agreed on the following basic principles:

1. England is the Top Nation.
2. Make Tea, not Love.
3. *Manchester United* forever!
4. There are no times when Ties do not matter.
5. To a nunnery — go!

Everyone who backs up these principles may join the Club after being questioned by the Phounding Phathers.

Наш клуб — это, конечно, игра. Но ведь (см. эпиграфы) это мы устроили культурные акции (помните?) like “*Name inseparable couples*” (А и Б, Розенкранц и Гильденстерн, Тринидад и Тобаго, Мартышка и Очки etc. — на взгляд Ph. Ph., это был самый интересный проект) и “*Кто наше святое всё?*” (такowymi стали гимназистка Наташа Кузнецова и актер театра “Фарсы” Сергей Бызгу), а также День учителя, когда ученики работали учителями and vice versa (нашу идею потом украли многие школы города, но никто не достиг такого уровня демократии: она же у нас британская!) После длительной переписки нам почти удалось пригласить в гимназию английского актера и писателя Стивена Фрая (who is considered to be one of the wisest persons of England). Нельзя не вспомнить дни Шотландии (завораживающие звуки волынки и сорванные уроки) и Ирландии (блистательная лекция д-ра С. А. Подлипаева и конкурс лимериков: *Once, when bathing, an actor from Russia...*) Кстати о высокой поэзии. One of the Phounding Phathers, namely Василий Степанов, который начинал писать в нашем журнале под псевдонимом Леся Васик, стал ныне известным драматургом, и его даже показывали по телевизору.

В какой-то момент Ph. Ph. почувствовали необходимость поделиться с общественностью идеей превосходства английской нации над всеми остальными. В результате на свет появился журнал “Англоман”.

“Любезный читатель! Дай руку... Нет, пожалуй, не надо, спасибо”. Так начиналось обращение Editor-in-chief к аудитории в первом номере “Англомана”. В этом же обращении были сформулированы две основные цели журнала:

— first, to spread the English Idea,

— second, to give as much satisfaction to its creators as possible.

Once Thomas Hobbes... or was it Jonathan Swift? Ah, I do recall. It was me. When delivering lecture on *ENLIGHTENMENT*, I said that the English always liked to invent something and send it to the Continent to see how it works. Это я к тому, что после появления “Англомана” в гимназии стало издаваться столько разных журналов, что мы выступили с официальным заявлением о приостановке выпуска своего печатного органа — тем более, что вторая из заявленных целей была нами, безусловно, достигнута. Жаль только, что мы не успели ознакомить общественность с нашей теорией внеземного происхождения британской цивилизации.

Но англomаны — самая толерантная часть нашего общества (у нас даже есть свой штатный англофоб). Для нас нет ничего важнее, нежели донести до широких масс идею о том, что England is the Top Nation. Мы готовы сотрудничать с любым изданием (независимо от его геополитической ориентации), которое поможет нам to spread the Great English Idea.

Have some tea, ladies and gentlemen!

Фото: В. Н. Кравченко

ТЕАТР ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Книга о Ксанфе-философе и Эзопе, его рабе, или Похождения Эзопа

Эзоп —	Илья Гусаров
Ксанф —	Антон Борисов
Его жена —	Ксения Якупова
Лафонтен —	Артем Кирьянчиков
Крылов —	Антон Герасимов
Прометей —	Даня Малкин, Игорь Никитчук
Исида —	Эми Питерс, Вероника Никитина
Ученики Ксанфа —	Дима Бордюгов, Миша Ермолаев, Костя Корешков, Саша Масленников, Игорь Никитчук, Андрей Олейник, Миша Федосов
Служанки в доме Ксанфа —	Таня Андреева, Аня Волкова, Ася Воронкова, Лиза Газеева, Саша Коленда, Сима Морозова, Ася Мочалова, Полина Роман
Композитор	Илья Куртов
Вокал	Женя Боргардт
Режиссеры	Е. В. Вензель, Е. Н. Грачева
Сценарий	Е. В. Вензель, Е. Н. Грачева
Художники	Н. М. Куртова, С. Н. Полякова, Л. П. Радченко

В основу сценария положено «Жизнеописание Эзопа», появившееся на эллинистическом Востоке во II—I веках до н. э.

Премьера спектакля состоялась 22 апреля 2000 г.

На театральном фестивале школ Петроградского района «Похождения Эзопа» были названы лучшим спектаклем 2001 г., а Илья Гусаров — лучшим исполнителем.

На Втором Брянцевском фестивале детских театральных коллективов Петербурга Илья Гусаров получил диплом за лучшую мужскую роль.

Участовавший в конкурсе спектакль «Гамлет» по А. П. Сумарокову был удостоен «Гран-При» и приза за лучшую режиссуру.

Илья Гусаров (Эзоп):

Когда наш “Театр всех времен и народов” начинал работу над этим спектаклем, я и не предполагал, что он получится таким веселым. Ведь “Жизнеописание Эзопа”, которое легло в основу постановки, — произведение хоть и смешное, но это “смех сквозь слезы”; а смерть Эзопа от рук неблагодарных дельфийцев вообще превращает его в трагедию.

Однако то, что получилось в результате работы наших драматургов и режиссеров Елены Васильевны Вензель и Елены Николаевны Грачевой, лишь отдаленно напоминает первоисточник. И дело даже не в том, что наш Эзоп не только не умирает, но еще и оставляет своих обидчиков в дураках. Представьте себе, что в спектакле наряду с Эзопом действуют и его литературные потомки — Лафонтен и Крылов! Это дает возможность проследить, как изменялись эзоповские басни, как каждый автор “причесывал” их по канонам своего времени, страны, языка...

В соответствии с традициями древнегреческого театра в “Эзопе” вместе со смертными действуют персонажи божественного происхождения. Но наши боги и герои не совсем обычны: Прометей — насвистывающий пролетарий в красном перепачканном хитоне,

который творит людей, помахивая нехитрым столярным инструментом; а Исида выступает с грациозностью восточной танцовщицы и щеголяет греческими фразами.

Большинству действующих лиц приходится постоянно перевоплощаться — и это вполне в духе Эзоповых басен с их представлением о том, что каждый из нас, помимо человеческой, имеет еще и звериную сущность и повадки. Здесь нам очень помогли двадцать превосходных масок, над которыми долго и упорно трудились замечательные художники Н. М. Куртова и С. Н. Полякова, а также Елена Васильевна.

Я люблю репетировать, быть в процессе создания спектакля. А от репетиций “Эзопа” я получал особенное удовольствие, так как здесь не было четкой схемы и можно было иногда поимпровизировать. Я очень хорошо помню первый день работы над спектаклем. Мы собрались на четвертом этаже, и Елена Васильевна с Еленой Николаевной перечислили нам те басни и сюжеты из “Жизнеописания Эзопа”, которые должны будут войти в спектакль. Затем мы стали репетировать первую басню, “Прометей и люди”. Все занятие мы пытались придумать, как сложится в тот ком глины, из которого Прометей будет лепить людей. Мы валялись так и сяк без какого-либо толку; ничего, даже отдаленно напоминающего приличный глиняный ком, у нас так и не получилось. И только на следующей репетиции нам удалось придумать, как его сделать.

В результате этот ком оказался, наверное, единственным элементом спектакля, не претерпевшим изменений во время всего репетиционного процесса. Все остальное постоянно менялось: исполнители, построение отдельных эпизодов, диалоги, сценарий. Вся работа над спектаклем была основана на смене, на попытке усовершенствовать каждую отдельную сцену, привести ее к лучшему варианту.

Антон Борисов (Ксанф):

...Настал долгожданный день, когда мы могли выпустить на сцену свое детище, результат стольких трудов, короче — выложиться полностью.

С утра мы порепетировали; потом я пошел обедать, а вернувшись в спортзал, застал всех лежащими на полу. Я тоже лег на пол, и тут вошла Елена Васильевна. Она сказала, чтобы мы расслабились, и выключила свет. Мы повторяли за ней фразы и представляли себе берег моря и солнце. Потом Елена Николаевна отправилась “выгуливать” нас на улицу. Я не пошел. Оставшись один, я поднялся на сцену и сел в самый центр. Я сидел и думал о чем-то высшем, светлом, далеком... Потом стал смотреть на сцену с разных ракурсов. Я знал: чтобы хорошо сыграть героя, надо на время “поменяться” с ним душой и характером. И, кажется, в тот момент мне удалось это сделать.

Потом пришли ребята, мы начали гримироваться, а потом и сыграли.

— Не думайте, что философия состоит в одних только рассуждениях: нет, бывает философия и в делах, и нередко философия бессловесная одолевает философию словесную.

— Вол! Ворона! Лиса! Обезьяна! Собака! Мышь! Я говорю! Клянусь Музами, я говорю!

— Что это за грызса с зубами?

— Здравствуй!

— А разве я болею?

— Кто ты такой?

— Человек из плоти и крови.

— Не о том говорю, а откуда ты родом?

— Из утробы матери!

— Чтоб ему пусто было! Не о том я тебя спрашиваю, а в каком месте ты родился?

— Этого мне мать не говорила. Может быть, в спальне, а может быть, в столовой.

— Из какого ты племени, я тебя спрашиваю?

— Фригиец.

— А есть ли что на свете лучше и прекраснее, чем язык? Разве не языком держится вся философия и ученость? Без языка ничего нельзя сделать: ни дать, ни взять, ни купить; порядок в государстве, законы, постановления — все это существует лишь благодаря языку. Всей нашей жизни основа — язык; нет ничего лучше на свете.

— Что же на свете хуже языка? Язык нам несет раздоры, заговоры, обманы, побоища, зависть, распри, войну! Язык правит обманом, а обман правит миром.

— Но ведь как ни назови то, что перед глазами, мы всегда увидим, правда это или нет.

— Но видим ли мы себя?

— Селезень! Эзон! Эзон! Селезень! Эзон!

Фото: В. М. Ярош

В начале 1990-х преподаватели классических языков из нескольких стран Европы создали организацию Euroclassica, чтобы сообща противостоять тенденции государства сокращать программы обучения древнегреческому и латинскому языкам, античной истории и культуре. Благодаря активной деятельности члена "Евроклассики" профессора Антона ван Хоффа и одного из основателей нашей гимназии, преподавателя латинского языка Л. Ю. Меньшиковой мы стали первой страной восточной Европы, вступившей в "Евроклассику". С 1997 года наши гимназисты дважды были участниками летней школы Academia aestiva, организованной "Евроклассикой" в Афинах.

Anton van Hooff

Saint Petersburg, the Gate to Euroclassica

Discovering the Classical Gymnasium

In 1988 as the newly elected president of the Association of Classicists in the Netherlands, I had the opportunity to spend a few weeks at a study resort near Geneva to work on my book on ancient suicide (that has appeared in 1990). There, at the Fondation Hardt, I had long nightly discussions with Alexander Podosinov from Moscow, who happened to be there. Gradually he convinced me that the policy of glasnost and perestroika was more than window dressing. We kept in contact. I invited him to address the annual meeting of our association in 1990 and he asked me to come over to see for myself. Therefore, in the summer of 1990 I found myself for the first time in what Reagan called the 'evil empire'. I pinched myself in the arm: was I really walking along the Nevsky Prospekt that I knew so well from my extensive reading of Dostoevskiy? Strolling along this main artery of the city one felt that history was in the making: everywhere groups were discussing events. Every day there were demonstrations. At every corner, there stood somebody trying to convert the passers-by. The summer of 1990 was the most exciting Europe had seen for decades and not in the least Lenin-grad / Saint Petersburg made history.

I came there to deliver a lecture at the University about the Spartacus tradition in the West (my book *Spark of Spartacus* was published in 1993), but I also tried to find

out something about the role of the classics in secondary education. There, in Lenin City, I was told that recently a classical gymnasium has been founded. I got into contact with some teachers of this school. So it all began. Since then, I have returned four times to the city that has become very familiar and dear to me. I gave a course on modern classics teaching, attended conferences, delivered lectures, visited schools and even gave some classes myself at school number 610.

My last visit to the Gymnasium classicum Petropolitatum was on January 27, 2001. Then I saw back 'my' students *Alexander Nesterenko* and *Veronika Nikitina*. Why 'my' students? Because they had been at the Euroclassica Summer School in Greece in September 2000. It was for the second time that young classical Russia had been present there. The country could not have sent better ambassadors than these bright and sociable youngsters. They made themselves very popular both with the teachers (from Spain, Britain, Greece and Holland) and participants from other European countries (Holland, Belgium, Switzerland, Britain, Sweden, Spain, Croatia and Bulgaria).

Euroclassica Summer School

The next Summer School will take place this September for the eighth time in its history. Exact dates are *September 7–16, 2001*. The school gives a concrete form to one of the aims of Euroclassica, namely to make young people aware of the Greek foundation of our common European home. Of course, every year is different due to the group, but every time ‘un miracle grec’ takes place. The shyness that is present during the first day when all the people come together from all quarters of Europe rapidly vanishes. After a few days, the 30–60 students look like a class that has been together for ages. On the last night, it is not uncommon that a tear is shed when one realises that the dream is over. For us as teachers it is a dream as well. All the language and cultural differences are overcome by these young bright people.

Europeans in Epidauros

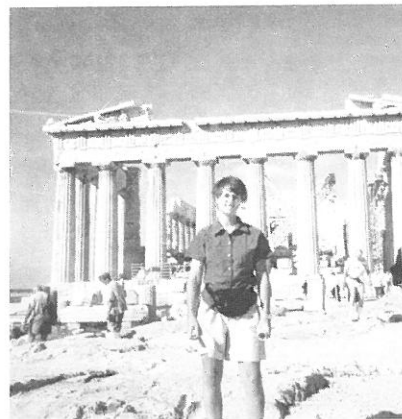
A scene in the Epidauros theatre during the 1998 school is symbolic for the miracle that takes place every year. That time the whole group performed a chorus scene that they had prepared during the drama sessions. Then, while we were sitting on the steps of this perfect theatre, quite spontaneously the participants walked down to the centre of the orchestra and recited poems in their native language. I was sitting somewhat apart in order to take shot for my video film. An American next to me asked: “What kind of people are these?” From the bottom of my heart I answered: “Europeans”. For that is what Europe is all about: community and diversity. On the basis of a classical heritage we share, a rich variety of national and regional cultures has arisen. Europe is like an enormous open-air museum. However, unlike these folkloristic museums it is alive.

Dr. Anton J. L. van Hooff
Van Oldenbarneveltstraat 16B
NL-6512AW Nijmegen, The Netherlands
Tel/telefax: 00-31-24-3240730
e-mail: a.v.hooff@let.kun.nl

Светлана
Клейнер

выпускница
1998 г.

Еврокласическая Греция

Было это давно, в 1997 году. Даже с трудом верится, что столько времени прошло. Многое забылось, еще больше в голове перепуталось. Попробую зафиксировать те вспышки памяти и ассоциации, которые возникают у меня, когда я слышу слово “Евроклассика” (или “Греция”, если угодно). Итак...

Прежде всего, вспоминается очередь к таможеннику в аэропорту — поставить печать в паспорт. Чтобы не скучать, мы просматривали новогреческий разговорник, поражаясь современному произношению знакомых слов и то и дело повторяя: “Ну надо же, как исковеркали!” В самом деле, страдая на уроках древнегреческого от непомерного количества глагольных форм и избыточного разнообразия грамматических конструкций, мы не думали о Греции как о реальной стране с современным языком и современной фонетикой. На этом языке всё еще говорят люди — таково было наше первое открытие.

Вторым открытием стали Афины. По книжкам и учебникам истории нам представлялся этакий цветущий сад, сплошь заставленный ионическими колоннами и портиками. В центре всего этого белокаменного великолепия возвышается Парфенон, где-то рядом — агора, повсюду оливковые деревья, люди в белых хитонах с узором-меандром, статуи богов направо и налево...

На самом деле не обманулись мы только насчет деревьев и отчасти Парфенона. Он — точнее, то, что от него осталось, — и правда возвышается в центре города, а вот все остальное... Впечатление от города поначалу было ошеломляющим. Маленькие бесформенные дома, никаких архитектурных изысков, современные улицы, автомобили (также неожиданность). Где, где эта великая греческая цивилизация, о которой столько говорили на уроках и про которую написано в книжках?

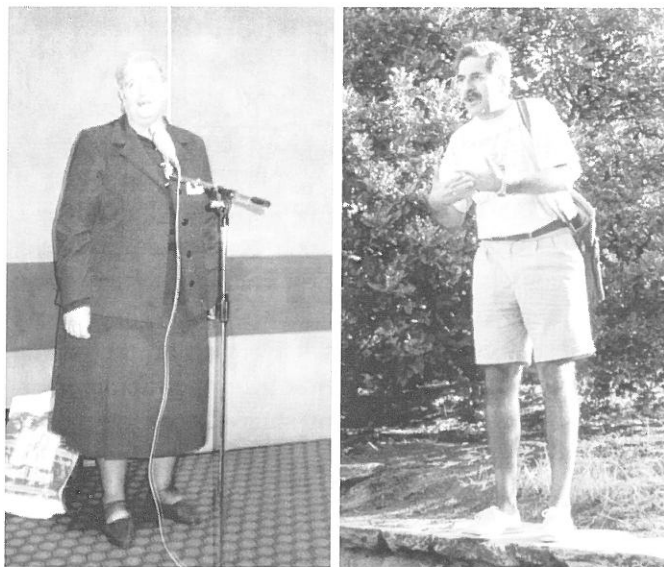
Потом оказалось, что эти открытия сделали не только мы, двое представителей РФ, но и все те “евроклассики” из других стран, которые приехали в Грецию в первый раз. Реальная Греция шокирует, и это впечатление усиливается, когда понимаешь, что между древней и современной Грецией существует тесная связь. Посетив несколько исторических мест, начинаешь чувствовать, что стоит за трудными древнегреческими текстами.

Собственно, Евроклассика для того и создавалась. Как мне представляется, главной целью организаторов этой летней школы было показать людям, представление которых о Греции ограничивается учебником истории, зубрежкой грамматики и чтением Еврипида с не всегда понятным комментарием учителя, что такое Греция на самом деле и что они на самом деле изучают в школе. Читать про театр в Эпидавре — одно. Посидеть на его древних ступеньках, а затем спуститься вниз и самому произнести с этой сцены хотя бы “Я помню чудное мгновенье” — совершенно другое.

Чтобы “прочувствовать” Грецию, просто приехать в Афины явно недостаточно. Для этого в Евроклассике разработана целая программа.

Она чрезвычайно проста: первые пять дней четыре преподавателя (испанец Луис Хосе Наварро, голландец Антон ван Хофф, англичанин Джон Торли и гречанка Мария-Элевтерия Ятраку) проводили занятия в классе, освежая в нашей памяти некоторые факты из истории и мифологии и одновременно показывая на карте Греции, где что происходило. Эти уроки проводятся в обычной европейской манере, с практическими заданиями (например, нас попросили разбиться на команды и придумать легенду о том, почему Евроклассика каждую осень приезжает в “Лагонисси”, отель в 40 км от Афин; результаты получились очень забавными) и лирическими отступлениями вроде “а теперь мы посмотрим на греческий закат”.

Самое интересное происходило вечером. Мы репетировали спектакль — вольное переложение “Орес-

теи” на английский язык. Занятия вела профессиональная актриса, игравшая в постановках древнегреческих трагедий. Она показывала, что должен делать хор, как должны вести себя актеры, научила нас древнегреческой траурной песне. Репетиции происходили в небольшом амфитеатре на открытом воздухе недалеко от отеля.

Кроме этого около пятнадцати человек, в число которых нам удалось попасть, репетировали одну из эсхилловских хоровых партий (с новогреческим произношением, заботливо записанным для нас в испанской транскрипции). Мы сидели на коленях в темноте, с зажженной свечой, и стучали руками об пол, отбивая ритм. Когда в последний день мы явили миру результат наших трудов, всем очень понравилось.

Через пять дней уроки сменяются поездками по Греции. Дельфы, Микены, Эпидавр... Вот тогда-то микстура Евроклассики начинает действовать. Древняя Греция становится все более близкой и реальной. А современная Греция для многих участников программы стала любимой страной.

А еще я познакомилась с огромным количеством самых разных людей (далеко не все из которых избрали своей профессией классическую филологию). С некоторыми из них я до сих пор переписываюсь, а прошло уже четыре года!

P. S. Да, вот еще был один забавный случай. Мы купили футболки с цитатами из древнегреческих авторов. На одной из них было написано сократовское $\omicron\iota\delta\alpha \mu\eta\delta\epsilon\nu \epsilon\iota\delta\omega\varsigma$ (“я знаю только то, что ничего не знаю”). Я эту футболку надела, и мы пошли за мороженым в соседний магазинчик. И вдруг проходивший мимо грек хитро посмотрел на нас и что-то произнес, явно обращаясь ко мне. Я переспросила. Он повторил. Я сказала, что не понимаю. Грек очень удивился и ответил по-английски: как же я могу не понимать его слов, ведь он прочел надпись на моей футболке! Мы принялись

объяснять ему, что он прочел ее по-новогречески, а мы привыкли произносить иначе, *на другом языке*. При этих последних словах он возмутился и гордо воскликнул: “Греческий язык один!” Сначала нам стало смешно, но потом, через несколько дней, мы поняли, что он был прав.

Александр Нестеренко

11 класс

Постигая Грецию

Мне и моей однокласснице Веронике Никитиной довелось прошлым летом побывать в Греции. Мы были слушателями летней школы (*Academia aestiva*), организуемой обществом Euroclassica. Вот уже семь лет группа студентов и школьников каждый сентябрь собирается в живописном греческом местечке под названием Анависсос. Основная цель этой программы — вдохновить любителей древнегреческой культуры и языка, обогатить их знания и помочь им в постижении “духа Греции”. Директор *Academia aestiva* Луис Хосе Наварро выразил это следующим образом: “Open your heart and let the spirit of Greece come into it” (“Откройте ваши сердца и позвольте духу Греции войти в них”). Летняя школа — это не чисто научное мероприятие вроде международной конференции; это еще и турне по Греции; это возможность познакомиться с такими же, как мы, энтузиастами античности со всей Европы; в конце концов, это теплое Эгейское (и Средиземное) море, а также прочие радости солнечного архипелага.

Общение ведется на английском языке. Первая часть занятий — лекции на самые разные темы: от роли женщины в греческом обществе до творчества Кавафиса, — дополняемые культурными мероприятиями (например, постановкой античных трагедий). Вторая часть — экскурсии по Греции.

Еще в автобусе, идущем в отель, меня поразило, сколько вокруг интеллигентных людей. Нет, я не хочу сказать, что в России их мало, — напротив, я неоднократно имел удовольствие общаться с ними, однако в окружении профессоров и студентов Евроклассики это ощущение стало более масштабным. Без сомнения, тут сыграла роль необыкновенная отзывчивость собратьев-студентов, а также близость интересов. Наша интернациональная компания не разделилась, как это обычно бывает, на языковые группы. Все сразу сдружились со всеми.

Греция — страна не очень маленькая, а количество достойных интереса мест в ней огромно, поэтому наши поездки были весьма интенсивны. Так, в первый же день экскурсий мы встали в половине пятого утра и вернулись домой около десяти вечера. Раннее пробуждение, правда, было связано с необходимостью ежедневно совершать дело, которое Джон Торли очень уместно назвал “тринадцатым подвигом Геракла” — пересекать утром Афины (огромное количество пешеходов и автотранспорта при нешироких улицах и весьма условном соблюдении правил дорожного движения; Греция — рекордсмен Европы по количеству ДТП). Назову лишь основные места Греции, в которых мы побывали: Афины и Сунион, Дельфы и Парнас, Коринфский перешеек (Истм в древней Элладе), Немеи, Микены, Евбея, Навплий, Эпидавр и проч. Мы впервые увидели собственными глазами давно знакомые по книгам памятники. Мне больше всего врезались в память Микены и храм Аполлона в Дельфах.

В летней школе существует обычай — бегать на стадионе в Немеях. И в этот раз мы не пренебрегли традицией и, пройдя через палестру и тоннель, ведущий на стадион, устроили соревнования. В силу своей скромности я не стану сообщать имя победителя, однако скажу, что бежал он, в отличие от остальных, босиком, как и древние греки во время Немейских игр; может быть, в этом и крылась причина успеха?

В заключение мне остается только пожалеть, что мы не съездили в Олимпию, и пожелать всем, кому небезынтересна Греция, побывать там, причем лучше всего — в качестве студента *Academia aestiva*.

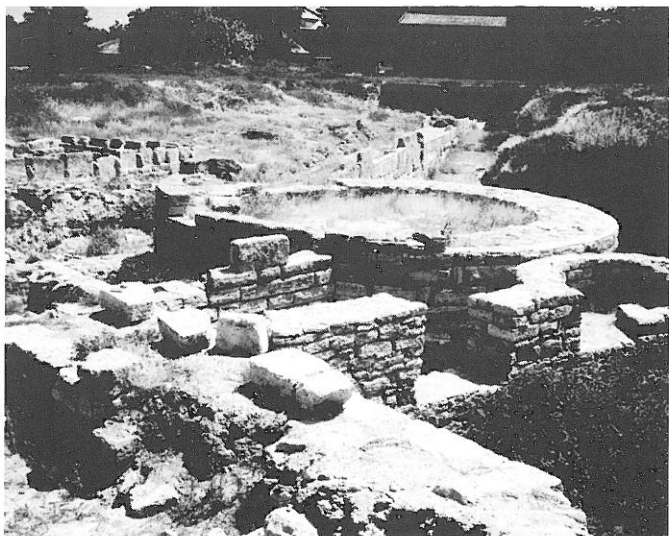
Фото: О. В. Бударagina, Е. Л. Ермолаева, С. Д. Клейнер

ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ

В июле 2000 г. группа старшеклассников нашей гимназии отправилась на раскопки в Одессу. Это незабываемое путешествие оказалось возможным благодаря поддержке Санкт-Петербургского отделения Института "Открытое общество". За три недели, проведенных в Одессе, нам удалось не только принять участие в археологическом проекте под руководством профессора А. О. Добролюбского, но и — уже в качестве экскурсантов — посетить некоторые античные колонии черноморского побережья. Археологические работы велись в самом центре города, на Приморском бульваре, неподалеку от Воронцовского дворца. Хотя участок раскопа представлял собой неоднократно засеянный газон с проложенными коммуникациями, нам удалось найти на относительно небольшой глубине (около двух метров) осколки греческой керамики шестого века до новой эры.

А. О. Добролюбский не только руководил нашей работой, но и любезно взял на себя роль гида, увлекательно рассказывая о старом городе и окрестностях. Не ограничиваясь одесскими достопримечательностями, мы добрались на автобусе до Ольвии, Никония и Тирь, расположенной на территории Белгород-Днестровского возле турецкой крепости Акмечеть. От гимназии поездкой руководили В. Н. Кравченко, О. В. Бударагина и С. А. Иванова.

Ниже мы публикуем рассказ об экспедиции, написанный одним из самых младших ее участников. Как без труда заметит читатель, эти краткие, но энергичные воспоминания отчетливо отмечены местным колоритом.

Раскопки Тирь

Савва Минаев

9 класс

Как это делалось в Одессе

Раскопки в Херсонесе... Раскопки в Керчи...

Раскопки в ОДЕССЕ...

— Кто сказал тебе об этом, мальчик? — спросите вы, сидя верхом на учительском столе и лениво болтая ногами.

— Я сам был на этих раскопках! Там были все, кто хотел там быть. Все, но вас там не было. Вы сидели в хмуром и мрачном Петербурге, кромсая и без того разваливающуюся парту. Вам было так скучно, что вы даже пробовали читать! Пробовали. Но у вас ничего не получалось, вам снова было скучно. И что же вы делали, чтобы вам таки не было скучно? Вы ничего не делали. А я — сделал! Поэтому я был там, а вы до сих пор держите фигу в кармане.

Там был я, и были другие, и они скажут то же, что и я.

Одесса очень скверный город. Это вам известно. Вместо "большая разница" там говорят — "две большие разницы". И еще: "тудою сюдою"... Город, в котором могут находиться на соседних улицах Пассаж и Александр Сергеевич Пушкин с красной звездой на груди, Одесский театр и Привоз...

— Хватит размазывать белую кашу по чистому столу, — скажете вы. — Что же за раскопки в шумном городе Одессе?

Вы узнаете об этом, если пойдете туда, куда я вас поведу.

В самой середине города, в ста метрах от Дюка и Потемкинской лестницы, группа молодых людей копает глубокую яму. Если бы одесситы были нелюбопытны, то я бы писал о них как о нелюбопытных. Но я их за таких не знаю, и упаси Боже их за таких знать. Каждый одессит считал своим долгом поинтересоваться, что же здесь копается. Особенно настойчивы были работники ООО (Одесской Общественной Организации) "Зелентрест". Зелентрестовцы желали знать, что, зачем и по какому праву здесь копается.

Они желали знать, и они узнали. И узнав, уходили. Но уходя, они говорили. Говорили долго и странно. Они говорили не нам. Они говорили вообще. Они говорили очень долго, и никто не помнил, с чего он начал. Да это было и не важно. Остальные любопытствующие тоже говорили, говорили о Советском Союзе и о происхождении рода человеческого, о литературе и о малороссах, а сказав все, что они имели нам сказать, они тоже уходили.

А потом уходили и мы. Выслушав в течение четырех часов всех, кто хотел быть выслушанным, я и те, кто был там со мной, уходили. Уходили из Одессы Шумной и шли в Одессу Тихую.

Одесса Тихая была нам мамой. Мы спали там, и мы ели там. Одни из нас купались на заходе солнца, а другие на его восходе. Одни смотрели звезды, а другие играли музыку. А тот, кто чувствовал себя чужим на этом празднике жизни, уходил. Что он делал? Он спал и спал, до семи часов утра. Что делали те, кто не считал себя чужими на этом празднике жизни? А что бы делали вы? Вы бы не делали ничего. А они от души веселились. Поэтому они были там, а вы до сих пор кромсаете рассохшуюся ДСП вашей парты.

Вы спросите: зачем было поднимать столько шума в и без того шумной Одессе? Я вам отвечу: чтобы копать. И вы опять спросите: зачем копать? И я вам опять отвечу: чтобы найти. Вы снова спросите: и что же вы нашли? И я отвечу: мы нашли то, что искали.

Теперь, читатель, вы знаете все. Но что толку, если на носу у вас по-прежнему очки, а в душе осень?..

Люба Сендерихина

9 класс

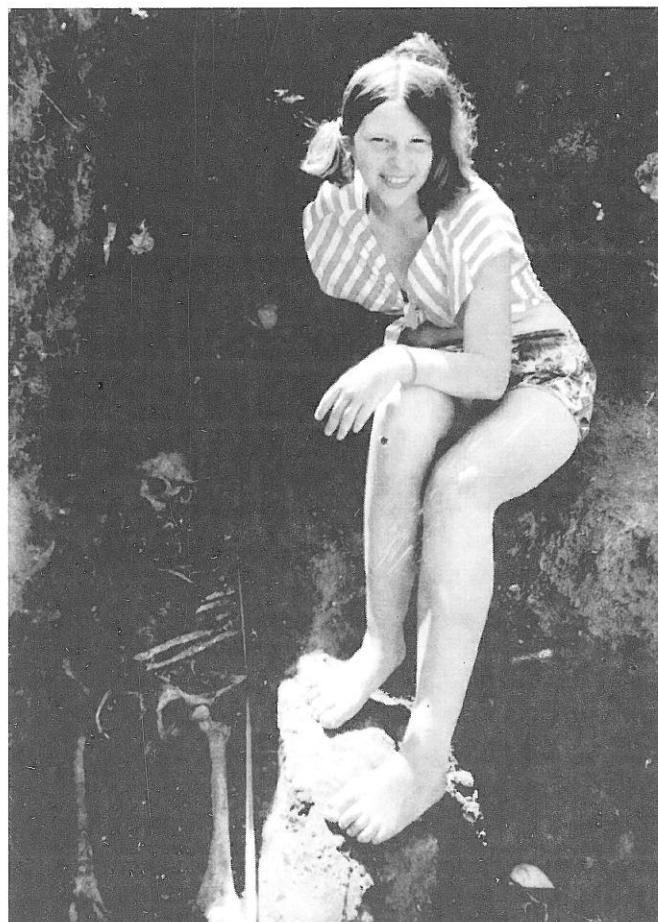
Наташа Титова

11 класс

Мирмекий – 2000

Прошлым летом в середине июля группа учеников нашей гимназии (Женя Дубова, Полина Полетаева, Саша Юганова, Настя Коваль, Люба Сендерихина, Наташа Титова и Лена Пылаева) ездила в Керчь на раскопки прежде находившегося на этом месте античного города Мирмекия. Во времена расцвета он действительно напоминал оживленный муравейник, подтверждая этимологию своего имени.¹

В лагерь археологов мы прибыли поздно вечером — нам пришлось долго скитаться по городу, так как на многочисленные вопросы о местонахождении стоянки древних греков жители Керчи отвечали лишь недоуменным пожатием плеч. Наконец, истощенные голодом и долгой дорогой, мы вышли к морскому берегу, где и на-

шли то, что искали. С первого взгляда нас покорила красота этого места: море, фруктовые сады и пляжи.

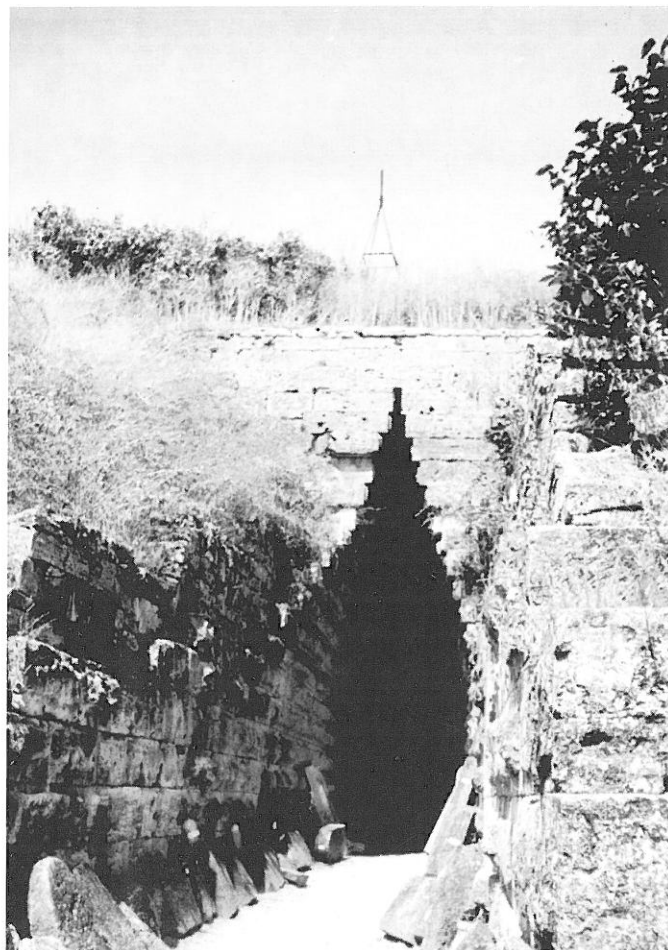
С профессиональными археологами (“старой гвардией”, как их там называли) отношения у нас наладились не сразу. Однако после празднования дня Мирмекия и посвящения нас в археологи мы подружились, причем укреплению этой дружбы особенно способствовало посредничество нашего любимого и уважаемого руководителя, Александра Валерьевича Скобова.

На раскопе смог поработать лишь один из авторов этой статьи — и то получить в руки лопату удалось не сразу, а только после трех дней на “керамичке”, где и трудились остальные участники экспедиции, отмывая найденные черепки.

Копать было очень увлекательно. Вскоре проявилось значение таинственного слова “штук”. Ради того, чтобы почувствовать себя настоящим археологом, стоило вставать даже в полпятого утра. Александр Михайлович Бутягин, наш замечательный начальник раскопа, предложил поработать на том из трех участков, который был ближе всего к морю. Мы раскапывали двойную крепостную стену с башней. Как приятно своими руками освобождать от слоя земли древние постройки! Лопата в таких делах не помощник. Приходится брать в руки мастерок и сметку и расчищать осторожно, буквально по сантиметру. На соседнем раскопе была расчищена вымостка (она служила для гидроизоляции дома и была сложена из обработанных камней) и основания двух домов классического периода. Но самым необычным и странным оказался третий раскоп, который получил имя “раскопа страшных захоронений”. Там были обнаружены скелеты в очень странных позах: кто-то просто скинут в яму; у одного нет головы, а у другого — половины туловища... Похоже, весь наш лагерь был разбит на древнем кладбище, что, впрочем, никого не пугало.

Работа на керамичке оказалась не менее захватывающей. Мы отмыли множество красивых черепков и даже абсолютно целый светильник.

Раз в неделю, по четвергам, у нас был выходной. В этот день мы обычно ездили на экскурсии по разным городам Крыма. Так, мы побывали в крепости города Судак и в Новом Свете, навестили знакомый ранее многим нимфейский раскоп, увидели Царский курган. Но особенно сильное впечатление на нас произвели Аджимушкайские каменоломни. В 1942 году, во время Великой Отечественной войны, жители поселка Аджимушкай были вынуждены уйти под землю, в штольни каменоломен. Они и там продолжали героическое сопротивление оккупантам, пока те не прибегли к газовой атаке, после которой удалось выжить лишь немногим. В эти каменоломни никогда не проникает солнечный свет, а температура воздуха там даже в самые жаркие дни не выше десяти градусов. Становится жутко при мысли, что люди долгие меся-

цы вели здесь, в подземелье, непрерывный бой, порой не имея ни воды, ни пищи... Удивительно прекрасным кажется солнечный свет, когда выбираешься из каменоломен.

Нам довелось не только спуститься глубоко под землю, но и подняться на вершину горы Митридат, откуда видны сразу два моря — Азовское и Черное.

Мы работали, купались, гуляли по городу, праздновали чьи-то дни рождения и отъезды. Время пролетело незаметно. Уезжать не хотелось. Представляя себе ожидающий нас Петербург с его шумными, пыльными улицами, мы мечтали еще ненадолго остаться среди этой тишины и покоя. Первого августа, уже с рюкзаками, мы в последний раз прошли мимо раскопа. Вслед неслись слова “мирмекийского гимна”, который пели нам на прощание археологи:

Я поправлю свою амуницию —
На обиду и боль наплевать! —
И, желая продолжить традицию,
Приползу на Мирмекий опять!

P. S. На поезд мы чуть не опоздали, потому что долго прощались.

¹ Название “Мирмекий” предположительно происходит от греческого *μύρμηξ* ‘муравей’. Муравей изображен и на флаге Мирмекия.

Денис Кейер
выпускник 1996 г.

Carmen Bosporanum

Проект официального гимна
таманско-керченской археологической экспедиции

Visam gementis litora Bospori
Hor. Carm. II, 20, 14

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей —
Эпиграфисты собирались
В поход на Керченский музей.
Народная песня

Пусть скверный отзыв о Тамани
Хранит Печорина журнал,
Тамань для нас — предел желаний,
Версаль, Афон и Тадж-Махал.

Нас беспросветная, глухая
Тмутаракань к себе влечет,
Хоть не сулит земного рая,
Забвенья тягостных забот.

Напротив, быт суровых скифов
Наш долг делить и изучать,
Следы скелетов и лекифов
Друг с другом тщательно сличать.

Пыль, пот, в купальнике медуза,
Склопендра в спальнике, жара,
Кайла постылая обуза,
Подъем сквозь дрему в пять утра —

Любых лишений стоят лавры
Эпиграфиста. Да небось,
И Ифигении меж тавров
Не лучше нашего жилось.

Когда же нам пора настанет
Отплыть в украинский Боспор,
Нехай с причала дружно грянет
На всю Кубань наш шумный хор:

“Прощай, Тамань, прощай, Россия!
Нас в гости ждет Пантикапей.
Привет вам, желто-голубые
Просторы керченских степей!”

Люблю столицу Митридата!
Вернее, то, что от нее
Осталось... Извини, Евпатор.
Peut-être, tout est pour le mieux.

Здесь память граждан не износит
Глухой квартет согласных букв,
Червонный прапор тщится сбросить
Жовто-блакитную хоругвь.

Здесь смотрят с грустью и обидой
Немым укором круглый год
Руины каменной Тавриды
С чужих, засаленных банкнот.

Ища заветных эстампажей,
В краю магнолий и лаванд,
Вооруженный саквояжем,
Садится керченский десант.

В небытие уходят страны,
Но будет помнить Петербург
Величье Царского кургана,
Богатства Розы Люксембург.¹

Не раз в чарующем кошмаре
Все повторится, точно встарь:
Раскоп, надгробья, лапидарий,
Очередной боспорский царь.

¹ На ул. Розы Люксембург находится керченский лапидарий.

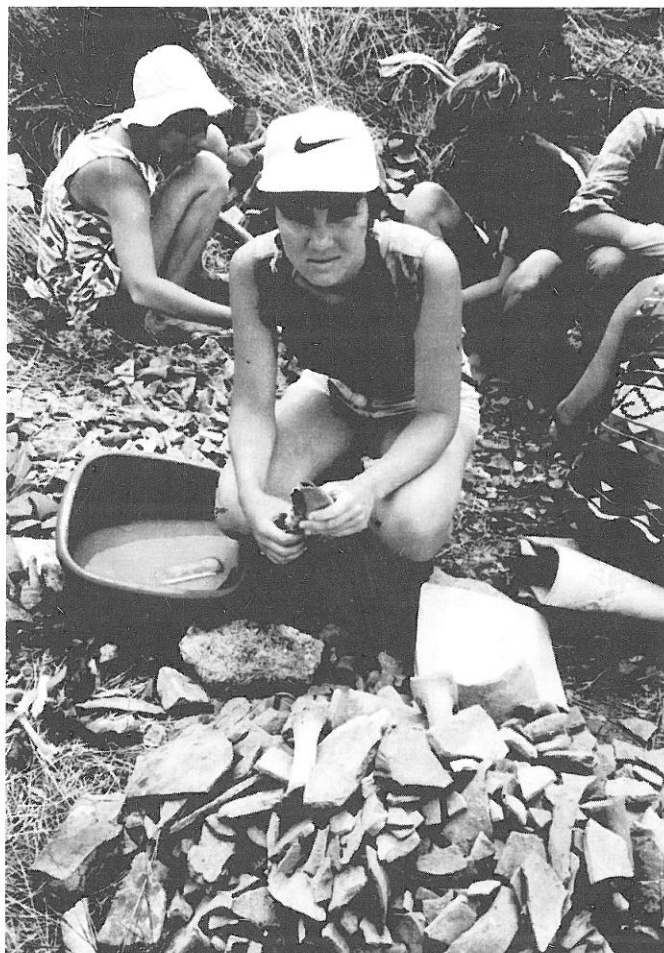

Фото: О. В. Бударагина, А. М. Бутягин

Выпуск 2000 г.

1. Абеленцева Александра — СПбГУ, исторический факультет, кафедра искусствоведения (вечернее отделение)
2. Баушева София — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
3. Белецкий Алексей — СПбГУ, юридический факультет
4. Борисенко Игорь — СПбГУ, юридический факультет
5. Григорьева Мария — СПбГУ, факультет менеджмента
6. Гринёва Дарья — СПбГУ, филологический факультет, албанское отделение
7. Дельgado Анна — Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, дизайн рекламы
8. Дистель Александр — ИТМО, кафедра компьютерных технологий
9. Ершова Анна — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
10. Завалишина Мария — Северо-западная академия государственной службы
11. Завьялова Вера — МГУ, филологический факультет, новогреческое отделение
12. Каретников Никита — СПбГУ, физический факультет
13. Кладова Екатерина — СПбГУ, филологический факультет, отделение общего языкознания
14. Кобак Дмитрий — ИТМО, кафедра компьютерных технологий
15. Крекотун Мария — СПбГУ, философский факультет (вечернее отделение)
16. Кулаева Екатерина — СПбГТУ, физико-технический факультет
17. Кулакова Софья — СПбГУ, философский факультет
18. Лурье Софья — СПбГУ, филологический факультет, итальянское отделение
19. Мельников Юрий — СПбГТУ, физико-механический факультет
20. Мишина Екатерина — Университет экономики и финансов
21. Полевикова Анна — СПбГУ, социологический факультет (вечернее отделение)
22. Рогинская Анастасия — СПбГУ, филологический факультет, отделение математической лингвистики
23. Романенко Ольга — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
24. Сень Александр — СПбГУ, экономический факультет

25. Терентьев Константин — Государственный морской университет
26. Фёдорова Екатерина — СПбГУ, филологический факультет, отделение классической филологии
27. Федоровский Михаил — СПбГУ, географический факультет (вечернее отделение)
28. Хотченкова Наталья — СПбГУ, филологический факультет, немецкое отделение
29. Шевлякова Майя — СПбГТУ, физико-механический факультет
30. Ямпольская Софья — СПбГУ, восточный факультет, отделение семитологии

Фото: Т. В. Михайлова

*Дополнительную информацию о выпускниках 2000 г.
можно получить на их официальном сайте
(<http://gym610.narod.ru>).*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ Санкт-Петербургской классической гимназии

- АЛЕКСЕЕВ Михаил Александрович** —
главный менеджер акционерного общества “Росинтекс”
- АЛЕКСАНДРОВ Даниил Александрович** —
профессор Европейского университета,
директор программы фонда Спенсера по исследованию образования
- БАЙБУРИН Альберт Кашфуллович** —
доктор исторических наук, профессор,
декан факультета этнологии Европейского университета
- БОРИСОВА Ася Львовна** —
генеральный директор антикварно-ювелирного дома “Ретро”
- БАВИЛОВ Николай Александрович** —
доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и теории чисел
математико-механического факультета СПбГУ
- БАХТИН Николай Борисович** —
доктор исторических наук, профессор, проректор Европейского университета
- ВОРОНКОВ Виктор Михайлович** —
директор Центра независимых социологических исследований,
президент Санкт-Петербургской социологической ассоциации
- ГАВРИЛОВ Александр Константинович** —
доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором
Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН,
руководитель Bibliotheca classica Petropolitana
- ДУРОВ Валерий Семенович** —
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ
- ЕЛОЕВА Фатима Абисаловна** —
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ
- ЖУРБИН Алексей Александрович** —
директор института “Стройпроект”
- КОБАК Александр Валерьевич** —
заместитель директора Санкт-Петербургского отделения
Института “Открытое общество” (Фонд Сороса), директор программ “Образование”
- НИКИТИН Алексей Витальевич** —
президент холдинга “Эвклид”
- РЕЗВАН Ефим Анатольевич** —
доктор исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала
Института востоковедения РАН по научной работе
- САТАЕВА Елена Юрьевна** —
главный редактор издательства “Формика”
- ФУРСЕНКО Александр Александрович** —
действительный член РАН, академик-секретарь отделения истории Президиума РАН,
заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского филиала
Института российской истории
- ШАХНОВИЧ Марианна Михайловна** —
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ

Санкт-Петербургская классическая ГИМНАЗИЯ

Гимназия есть школа для той части народа, которая с помощью знания законов человечества хочет стать в ряды передовых людей, руководящих государственным развитием, или посредством разума законов природы способствовать совершенствованию практической жизни.

О. Шрадер

Санкт-Петербургская классическая гимназия — государственное образовательное учреждение повышенного уровня, реализующее в полном объеме программу классического образования

- Изучение четырех иностранных языков: двух древних — латыни и греческого, и двух новых — английского и немецкого
- Углубленная программа по математике, истории, русскому языку и литературе
- Богатый выбор факультативных курсов по гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам
- Большая часть учителей гимназии — преподаватели Санкт-Петербургского университета и сотрудники институтов Российской академии наук.
Для преподавания новых языков привлекаются иностранные специалисты
- Обучение в гимназии — **бесплатное**.
Набор в 5 класс осуществляется по результатам вступительного теста

*Адрес гимназии: Малый пр. Петроградской стороны, д. 9/6
(угол ул. Красного Курсанта), ст. м. «Спортивная»
Телефон приемной комиссии: 235-40-14*

